

РИНА ВЕРГИНА

ЛЕКАРЬ
ИЗ ДРУГОГО МИРА

Рина Вергина

Лекарь из другого мира

<https://litres.ru/74204214>

Аннотация

Судьба дала мне второй шанс и после аварии я очнулась в другом мире. Раньше я была врачом и пол жизни проработала на скорой помощи, а стала молоденькой сестрой-милосердия в госпитале. Эпидемии и болезни уносят жизни горожан в разоренных войной городах. Я хочу помочь людям, но для этого должна пойти наперекор своей семье. Смогу ли я отказаться от выгодного брака и поступить в лекарскую школу? Доказать, что женщинам место в медицине и научить мужчин считаться с моим мнением. Но главное, смогу ли я обрести любовь, слишком невозможную в этом мире? Ведь он наследный принц, а я... простая лекарка.

Книга вышла в издательстве "Rugram"

Книга участвует в литмобе ФРОНТОВАЯ ЛЮБОВЬ:

Содержание

1	4
2	6
3	10
4	15
5	20
6	24
7	29
8	34
9	39
10	43
11	48
12	54
13	59
14	65
15	72
16	77
17	82
18	86
19	90
Конец ознакомительного фрагмента.	95

1

- Лешка, не гони ты так...

- Так срочный вызов, Маргарита Робертовна.

- Срочный... Знаешь поговорку – тише едешь, дальше будешь.

- Так точно, Маргарита Робертовна.

Лешка усмехнулся. Молодой еще, шибко шустрый. Вроде бы понимает цену человеческой жизни, вон как на вызов к пациенту торопится. Но при этом едет так, словно дрова везет, а не престарелую Маргариту Робертовну. А у меня от каждого дрыжка на дороге начинает простреливать в голове и дергаться глаз.

- Ну вот... почти приехали...

Почти.

Яркий свет встречных фар ударил по глазам, и я зажмурилась. Пространство наполнил звук разбившегося стекла.

«Пациент ждет... опоздаем» - остро кольнула мысль.

Холод промерзшей земли обжег спину. Шутка ли, конец ноября за окном. Я еще подумала, что наверняка свалюсь с простудой. А отчаянный голос Лешки прокричал так, что заложило уши:

- Ну как же так получилось, Маргарита Робертовна! Простите меня...

Последняя фраза прозвучала совсем тихо, теряясь в про-

странстве.

Я попыталась улыбнуться и ответить – «Ничего страшного. От простуды еще никто не умирал».

Да что-то язык совсем прилип к небу и стал такой неповоротливый.

«Надеюсь обошлось без черепно-мозговой», - подумала я, прикрывая отяжелевшие веки. Тело стало легким, как перышко. Никакой боли.

Может и правда, обойдется.

Дорогие читатели!

Книга выходит в рамках литмоба “Фронтовая любовь”

Читайте истории, где любовь и страсть проходят сквозь невзгоды миров, времени и войн.

<https://litnet.com/shrt/lnKu>

2

- Боженька, прими ее душу безгрешную...

Монотонное бормотанье хлеще дрели буравит мозг.

В довершении влажная тряпка падает мне на лицо. От нее резко пахнет травами.

Кто-то тщательно протирает мой лоб и щеки. Тряпка, как и исходящий от нее травяной аромат щекочет нос.

- Апчихи!

Я не сдержалась. И этот яростный чих чудесным образом вправляет мне мозги. На меня разом обрушивается все – запахи, звуки и ноющая боль в животе.

- Ах ты, господи, живая!

Голос явно принадлежит пожилой женщине. Не открывая глаз, я представила доброе курносое лицо. Волосы с проседью, заделанные в пучок.

Понять бы, откуда эти ассоциации. В голове шквал из мыслей и образов. Мелькают кадры из жизни, словно кино в ускоренной перемотке.

- Марика, детка, открой глазки. Очнись, моя хорошая. Сейчас я дохтура кликну...

Это смешное – дохтура, вызывает улыбку. А само слово уносит в тот самый пресловутый фильм, кадры которого хаотично мелькают в голове.

В том фильме меня зовут Маргарита Робертовна. Я тот

самый дохтур. Бабулечки в деревнях часто коверкают произношение этого слова и поэтому я привыкла.

Но зато мое имя все произносят без запинки. Просто удивительно.

С усилием я приподнимаю веки. Сумрачно. Рядом, на століке, горит керосиновая лампа. Что тоже удивительно. Я такие только в музее видела.

Возле лампы глубокая миска. Из нее выглядывает угол тряпицы. Наверняка именно она и побывала на моем лице.

Пытаюсь привстать, опираясь руками на кровать. Но руки слабые. Вмиг подворачиваются и я бессильно падаю.

Осталось понять, где я и что со мной? Попала в аварию? А теперь лежу в деревенской избе. Судя по горящей на столе керосиновой лампе, электричество отсутствует. Понять бы, куда меня забросило. В округе я все селения как свои пять пальцев знаю.

Осталось дожидаться «дохтура» чтобы он ответил на мои вопросы.

Скрипнула дверь, а следом и половица под приближающимися шагами. Надо мной склонился мужчина. Пожилой, с седой окладистой бородкой. На правом глазу блестит стеклышко монокля.

«Словно сошел с фотографии вековой давности» – проносится в моей голове.

- Как ваше самочувствие, голубушка?

Доктор берет меня за руку и кладет большой палец на

пульс. Чуть шевелит губами, отсчитывая удары.

- Бывало и лучше. Не понимаю... что со мной?

Мой голос звучит хрипло, а горло неприятно саднит.

- Главное, что вы очнулись. Чудо, не иначе. Теперь полный покой, а после выздоровления домой. Хватит приключений. Маменька заждалась поди.

- Маменька? – я хлопаю глазами.

Я сирота. Меня воспитывала бабушка. Она хирург и я с детства знала разницу между обычным полостным скальпелем и ампутационным. А сколько я чашек с чаем выдула и слопала конфет, пока сидела в сестринской в ожидании, когда кончится бабушкина смена. Но бабушки давно нет рядом со мной. И ждать меня некому.

- Фру Ханна, напоите госпожу Марику сладким чаем с су-хариками. А после ложку укрепляющего снадобья.

- Укрепляющего снадобья?

- Госпожа Марика, успокойтесь. Все плохое позади...

Доктор похлопал меня по руке, лежащей поверх одеяла. Сделал знак глазами и тут же к моим губам поднесли стакан. Послышался голос Ханны:

- Сделайте несколько глоточков, госпожа. Вот увидите, вам легче станет.

Теплый отвар хлынул мне в рот. Я закашлялась, и сделала несколько глотков. Почувствовала вкус шалфея и ромашки.

- Вот так... умница. Я завтра зайду, и мы обо всем поговорим. А сейчас у меня две операции на носу.

Операции... в таких условиях? Что за бред?

Меня оставили одну. Я все же нахожу в себе силы подняться.

Откидываю одеяло. Рубашка задралась, обнажая острые коленки. Тонкие лодыжки без намека выпирающих вен. Тяну рукой чтобы потрогать это чудо, но ладонь замирает на пол пути. Разглядываю длинные тонкие пальчики. На безымянном пальце золотое колечко, украшенное вязью. У меня такого сроду не было. Я вообще украшения не ношу. Делала исключение для обручального, но больше года носить и не понадобилось. Муж оставил меня молодой вдовой. А больше я замуж так и не вышла.

Руки, ноги, колечко на пальце. Все не мое. Чужое. Так что все это значит?

Похоже, попала ты, Маргарита Робертовна...

- Марика, детка, как ты?

Я чуть шевельнула ресницами, сбрасывая остатки сна. Разум пытался противиться такому обращению.

Какая я Марика? А тем более детка? Даже хотела поправить, что мое имя – Маргарита Робертовна. Но в приоткрытые губы тут же потекла струйка горьковатой жидкости.

- Давай еще ложечку отвара выпьем. Вот так, хорошо...

Я послушно глотаю горьковатый отвар. На подбородок мне упала капля, и ее заботливо промокнули салфеткой. Надо мной склонилось женское лицо. Немолодое, курносое. Волосы с проседью заделаны в пучок. В голове всплывает имя – фру Ханна.

- Спасибо, - поблагодарила я и пока женщина не ушла, поспешно спросила, - где я?

- Так в хоспитале. Болела ты сильно, детка. Неужто не помнишь?

Смешно. Эта женщина считай моя ровесница, а называет меня деткой. Сколько, в таком случае мне лет?

Я всю прошлую ночь не спала. Все пыталась подойти рационально к создавшемуся положению. Напрашивалось два очевидных варианта. Наиболее правдоподобный – я нахожусь под воздействием ноотропных препаратов, которые вызвали у меня приступ галлюцинации.

Второй вариант мне нравился меньше. Я умерла и попала... на рай и ад это точно не похоже. Да и тело не мое. Но судя по ощущениям, я с этим телом нахожусь в полной гармонии.

Если отталкиваться от второго варианта, я попала. И попала явно в другое время и чужое тело. А эта милая женщина, фру Ханна, единственная на данный момент, кто может прояснить ситуацию. А сейчас проще сделать вид, что я ничего не помню.

- Не помню, фру Ханна, - произнесла я.

Фру Ханна поцокала языком и покачала головой.

- Так мор был, Марика. Много народу на тот свет ушло, - фру Ханна поднесла ладонь ко лбу, а потом положила на грудь, там, где сердце, - слава богам, ты выжила. Вот только... - фру Ханна замялась.

- Что случилось? – насторожилась я.

- Вот только твои волосы, детка...

Фру Ханна немного испуганно посмотрела на меня, прикрыв ладонью губы.

Так что с моими волосами? Я давно коротко стригусь, поэтому сразу и не заметила. Провела ладонью по голове. Пальцы коснулись легкой косынки, и я стащила ее с головы. Пробежалась пальцами по голой шее с выпирающими позвонками. Следом пальцы утонули в коротких прядях, слежавшихся и неприятных на ощупь.

Фру Ханна с волнением наблюдала за моей реакцией. На

это я подумала, что наверняка у Марики были длинные волосы, наверняка густые и шелковистые. Гордость хозяйки.

Но я по отсутствию волос на голове точно убиваться не буду. Хотя это наводит на некоторые размышления.

- Почему меня подстригли? – спокойно спросила я.

- Так всех... чтобы хворь дальше не шла. Дохтур велел.

- Доктор велел... а какие еще симптомы у меня были? Лихорадка? Боли в животе?

На все фру Ханна согласно кивала головой.

- Сыпь? – уточнила я напоследок. Хотя можно и не спрашивать. Я вытянула перед собой тонкие руки и внимательно осмотрела. Характерные красные высыпания обнаружились сразу.

Тиф.

И бедняжка Марика его не перенесла. По крайней мере мне теперь понятно, что уложило Марику в постель. Но теперь я безумно хотела подняться со своего ложа.

- Фру Ханна. Могу я помыться и сменить сорочку? – спросила я женщину.

- На как же... дохтур запретил. Через воду распространяется хворь.

- Ерунда... я скорее подцеплю заразу, если и дальше буду лежать в этой грязной сорочке. У вас есть помывочная? Или, если вас не затруднит, принесите ведро с теплой водой и таз, где я могла бы помыться.

Фру Ханна в сомнении пожевала губы, боясь послушаться

распоряжений доктора.

- Если что, доктору скажете, это я настояла.

Фру Ханна все же исполнила мою просьбу. Принесла ведро с теплой водой и таз. Кусок мыла.

Я с трудом встала с кровати. Стащила с себя грязную и дурно пахнущую сорочку. Оглядела себя со всех сторон, насколько это возможно.

Тело явно принадлежало молодой девушке. Острые плечи и небольшая грудь. Худенькая настолько, что можно ребра пересчитать. Бледная кожа с небольшой сыпью на животе.

Я намылила тряпочку и натерла тело, постепенно смывая серую от грязи пену водой из ковшика. Пока я мылась, пришла фру Ханна с чистой сорочкой для меня. Так же я попросила сменить постельное белье. На том, что было постелено, ложиться не было никакого желания.

За мытьем я расспрашивала женщину о местной жизни.

- Что это за госпиталь?

- Так военный. Раненых сюда доставляют с поля боя. А ты, Марика, уж второй месяц здесь сестрой милосердия служишь.

- И кто с кем воюет? – спросила, надеясь услышать знакомые названия стран.

- Так наш король Рихард с варийцами второй год сражается. Все никак клочок земли не поделят, будь он неладен.

- Знакомая история, - протянула я. Сколько войн разгорелось из-за раздела территорий.

Фру Ханна помогла мне помыть голову, пока я сидела в тазике. После дала чистое полотно, обтереться.

После мытья я почувствовала себя намного лучше. Словно содрала старую кожу и теперь действительно заново родилась на свет.

- Фру Ханна, расскажите мне, кто я. Возможно это поможет мне вспомнить...

- Да что рассказывать. Я сейчас твой саквояж принесу, Марика. Там же... да что говорить, сейчас сама все увидишь.

Фру Ханна скоро вернулась с небольшим кожаным саквояжем в руках. Торжественно поставила передо мной на кровать.

Я щелкнула застежкой и с интересом заглянула внутрь.

Первое, что я увидела, это связка писем, перевязанных голубой ленточкой.

- От матушки должно быть, - произнесла фру Ханна, с любопытством вытянув голову.

Конверты были из потной белой бумаги. Их было не так уж и много. Не больше десяти.

Я вгляделась в мелкий бисерный подчерк. С облегчением отметила, что легко его могу прочесть.

На конверте значилось – «баронессе Марике Файнштейн».

Вот тебе и детка...

Я вздохнула, собираясь с мыслями. Осталось понять, как нежную баронессу занесло в военный госпиталь.

Письма я отложила в сторону, решив потом внимательно прочесть без сопровождения сочувствующего взгляда фру Ханны.

Следом я вынула из саквояжа деревянный резной гребень. На один из частых зубьев был намотан длинный волос. Я потянула за него пальцами, с интересом рассматривая. Каштановый, с плотной текстурой. И очень длинный.

Рука сама потянулась ощупать короткие пряди. Фру Ханна кажется прослезилась, наблюдая за моими действиями.

- Ничего, Марика, вырастут твои волосы. Ты не пережи-

вай, главное, что жива...

- Да уж... волосы не зубы, отрастут, - усмехнулась я.

Следующим предметом в моих руках оказалось зеркало. Небольшое, круглое с костяной ручкой. Сердце предательски дрогнуло. Было любопытно как я сейчас выгляжу. Но и немного волнительно.

В прошлой жизни я не была красавицей. Миловидной. Никогда не заикливалась на своей внешности. Да и работа меня интересовала больше, чем личная жизнь. Тем более после смерти любимого мужа.

Константин был признанный красавец. Все девчонки на него заглядывались. А он выбрал меня.

Нас и свела моя работа. Я тогда в приемном покое работала. Костя поступил в мою смену. Глубокий порез на плече. От ножа.

На рубашке расплылось алое пятно от крови. Рядом с ним девчонка. Вся в слезах. Сама от вида крови чуть в обморок не падает. А Костя лишь улыбается и успокаивает ее. Ничего мол, простая царапина.

- И кто это вас так, молодой человек? – спросила я деловым тоном.

- Хулиганы. Приставали ко мне. А Костя... он заступился за меня. Единственный, кто подошел из прохожих, - захлебываясь словами, произнесла девушка.

- Надо вызвать милицию. Составить протокол.

- Не надо. Уже со всем разобрались, - белозубо мне улыб-

нулся Костя.

Я зашила его рану. Наложила несколько швов. Костя даже не поморщился, лишь смотрел на меня из-под опущенных ресниц.

- Ну все... до свадьбы заживет, - произнесла я и вдруг смутилась, утонув в его бирюзовых глазах.

А Костя вздернул вверх бровь и спросил:

- Девушка, во сколько заканчивается ваша смена?

Я бросила взгляд на часы.

- Еще четыре часа, - чуть усмехнувшись, ответила я.

- Ну тогда, я успею переодеться и купить цветы.

«Чудной какой» - подумала я. Никак не ожидала, что он и правда меня встретит. Но Костя стоял возле дверей, ровно через четыре часа. В светлой рубашке с расстегнутой верхней пуговицей. В темных брюках и до блеска начищенных ботинках. В руке сжимал букет из ромашек. Моих любимых. И как только угадал?

Мы поженились быстро. Через три месяца сыграли шумную свадьбу. Друзей у Кости было много. Спортсмен, с детства занимался плаванием. Медалей целая куча.

А через год его не стало. Авария. Костя был за рулем, я рядом сидела. Мы планировали долгожданный отпуск на берегу моря и шумно обсуждали, что лучше выбрать – Сочи или Ялту.

В нас врезалась встречная машина. Протаранила на огромной скорости наш автомобиль. Я очнулась уже в боль-

нице. Вся переломанная. Особенно досталось правой руке. Кости буквально собирали по частям. Эта травма лишила меня возможности работать хирургом.

Эту новость я стойко выдержала. Но когда на мой вопрос – «Что с моим мужем» - врач отвел глаза... Я все поняла в тот момент. Мир рассыпался на части, и я взмолилась, чтобы бог забрал и меня тоже. Вслед за любимым мужем. В тот момент я действительно не могла без него жить.

Но постепенно боль притупилась. Я вернулась к работе в качестве врача на скорой помощи. Бешеный ритм позволял забыться и не вспоминать.

Я не удержалась от усмешки. Все же какая странная штука жизнь. Одна авария отняла у меня любимого мужа, а вторая лишила собственной жизни.

Я отложила зеркальце в сторону. Насмотрюсь, когда останусь в одиночестве.

Фру Ханна продолжала внимательно следить за моими действиями. Словно чего-то ждала.

Я заглянула в саквояж и выудила овальную пластину. Она была размером с ладонь. На эмали изображен цветной портрет молодого человека. Я чуть наклонила его к свету, разглядывая.

Привлекательное лицо обрамляли светлые чуть удлиненные волосы. Голубые глаза горделиво сияли, а губы тронула сдержанная улыбка. Военный мундир и разворот широких плеч дополнял образ.

Фру Ханна чуть наклонилась ко мне, ловя каждую эмоцию на лице.

Смысла не было притворяться, что я его узнаю. Хотя, судя по реакции фру Ханны, Марике был дорог этот молодой человек. Наверное, я должна была его сразу вспомнить, но я не Марика, а Маргарита Робертовна из другого мира.

Я равнодушно перевернула портрет.

На обратной стороне было выгравировано

«Милой Марике от любящего Фредерика. Мы скоро будем вместе».

Дорогие читатели!

Рада видеть вас на страницах своей новой истории

**Буду благодарна за поддержку, не забывайте добав-
лять книгу в библиотеку, чтобы не потерять**

- Неужели не вспомнила, Мари́ка? – фру Ханна огорченно качает головой.

- Это мой...

- Жених, - подтверждает мою догадку женщина, - у тебя и кольцо помолвочное на пальце.

Да, кольцо я заметила. Просто оно было на левой руке, а не на правой, как принято в моем мире. Даже не думала, что оно несет какой-либо смысл.

- Где он? На войне?

- Да, детка. Ему пришлось исполнить вассальную клятву, что давал лорду Честерсу. Вы только и успели обручиться, а на следующий день твой жених уехал на войну. Ты же мне сама все и рассказывала. Уж сколько слез пролила, когда от него долго известий не было. В тайне от матушки сбежала из дома и упростила принять тебя в госпиталь. Надеялась, вдруг встретишь своего ненаглядного здесь, среди раненых.

- И что, были известия от Фредерика?

- Нет... ни одной весточки. Но не печалься, Мари́ка. Найдется твой жених. Никуда он от такой красавицы не денется.

Я чуть усмехнулась. Не знаю, как раньше выглядела Мари́ка, но сейчас меня красавицей точно не назовешь. Когда пыталась ощупать свое лицо, то пальцы наткнулись на впалые щеки и шершавые губы. Под глазами наверняка залег-

ли черные тени, да и короткая, наспех сделанная стрижка с рванными локонами меня не красит.

- Все пройдет, детка. Ты главное кушай больше да пей настойку, что дохтур прописал.

Я пытаюсь выяснить у фру Ханны, велик ли госпиталь и сколько в нем работают докторов. Какие преимущественно раны у поступающих солдат.

Оказалось, в этом мире существует огнестрельное оружие. Ружья и мушкеты, что стреляли дробью. Пехота вооружена алебардами, а у кавалерии палаши и пистолы.

Но все же огнестрельных ран больше, чем рубленных. И жизнь уносит сепсис и потеря крови, с которой лекари борются доступными для этого мира средствами. Разбавленное красное вино и уксус для промывания ран, мед и масло для заживления. А теперь еще и новая напасть – тиф или гнилая горячка, как ее называли в этом мире.

Докторов было двое, но один слег с лихорадкой. И еще шесть лекарей.

- Как меня лечили? – допытываюсь я фру Ханны.

- Так как и всех, пытались горячку сбить холодом, да кровопускание делали. Но тебе лучше у лекарей узнать.

- Непременно узнаю. А как сейчас, идет болезнь на убыль?

- Сегодня трое померло, а вчера только один.

Мне хочется пойти в палаты и своими глазами все увидеть. Если это сыпной тиф, а все симптомы указывают на него, то проблема в мелких насекомых, что живут в белье

и одежде. Вши и блохи. Их нужно непременно уничтожить. Прокипятить все белье и без сожаления сжечь всю ветхую одежду. Отделить больных людей от здоровых и устроить карантинную зону. Тогда и мор пойдет на спад.

Я даже пытаюсь встать и сделать несколько шагов к двери, но меня шатает от слабости. Фру Ханна подхватила меня под руку и насильно усадила на кровать.

- Ты чего это надумала? Тебе лежать надо. Сейчас время обеда, я тебе похлебку принесу. А потом спать...

- Не время спать... позови мне доктора, Ханна.

- Он и сам к тебе заглянет, как освободится. А сейчас нечего его тревожить. Но если болит что, могу лекаря кликнуть.

- А главный у вас кто – доктор? Вот его мне и надо.

- Неугомонная. До вечера точно он не освободится. Даже не жди.

Фру Ханна, что-то бубня себе под нос, ушла за похлебкой, а я еще раз перебрала вещи из саквояжа.

Полюбовалась портретом Фредерика. Наверняка Марика его очень любила, раз сбежала из дома и стала сестрой милосердия в госпитале. Вот только встретить своего жениха ей так и не удалось.

Я положила портрет обратно в саквояж. Убрала гребень и шпильки для волос. Они мне еще долго не понадобятся.

Долго выбирала между зеркалом и письмами из дома. Но все же выбрала зеркало. Давно пора познакомиться с собой.

Как я и предполагала, изможденное лицо и темные круги под глазами. Красная сыпь на щеках. Неаккуратно искромсанные локоны прядями падают на лоб. Глаза серые как небо в пасмурную погоду. Густые темные брови придают строгости взгляду.

И все же Марика была красива. Благородные черты лица бросались в глаза прежде уродливой сыпи и болезненной худобы.

«Ну ничего, откормим и волосы отрасли. И будешь красивей, чем прежде», - пообещала я скорее Марике, чем себе.

Вечером меня навещает лекарь. Совсем не тот доктор с окладистой бородкой, что приходил ко мне накануне. Этот лекарь еще молодой мужчина с гладко выбритым пухлым лицом. Небольшая залысина на затылке, которую он маскирует зачесанными назад светлыми волосами.

- Ну и напугали вы нас, баронесса, - довольно вольно обращается он ко мне, - все же таким нежным девушкам не место в военном госпитале. Как сейчас себя чувствуете? Жара нет? Живот не болит? Можно?

Лекарь откидывает одеяло и аккуратно задирает мне сорочку, обнажая впалый живот. Пальпирует, бережно касаясь пальцами.

- Не больно? А здесь?

- Все у меня хорошо, - заверила я, так как сама пару часов назад провела себе эту процедуру. Мое тело медленно, но верно приходило в норму. Откормить и будет полный порядок.

- Я хотела бы поговорить о эпидемии. Хотела с доктором, но раз его нет... Извините, как к вам обращаться?

Лекарь удивленно приподнимает брови. Так, что лоб покрывается морщинками.

- Фру Ханна предупреждала, что у вас, баронесса, проблемы с памятью. Тогда давайте знакомиться – Эдвард Грайт, -

лекарь улыбнулся и протянул мне руку. Мои пальцы утонули в его пухлой ладони.

- Так вот, Эдвард. Я много что не помню, но точно знаю, что заразу переносят насекомые. Нужно прокипятить все белье и сделать...

- Баронесса... - перебил меня Эдвард Грайт, - не забивайте вашу милую головку подобными глупостями. Сейчас встанете на ноги и отправитесь домой.

- Но...

- Никаких но. Я знаете, сколько посвятил себя медицине? Десять лет! И пять лет проучился в лекарской школе. А вы и двух месяцев здесь не пробыли. Поверьте моему опыту, всему виной гнилая вода, что застоялась в источнике.

Я фыркнула. Вот как доказать этому твердолобому лекарю, что он не прав. Нужно завтра набраться сил и увидеть все своими глазами. Поговорить с доктором. Убедить его прислушаться к моему мнению.

Перед сном я перебираю пачку писем от семьи Марики. Ханна сопит на топчане у противоположной стены, а я, убавив огонек в лампе, один за другим открываю конверты.

Все письма написаны рукой баронессы Глории Файнштейн. В первом послании она бранится, что Марика сбежала из дому. Называет ее неблагодарной дочерью, что бросила семью в тяжелый момент.

Всего я насчитала восемь писем и во всех баронесса настаивает на возвращении дочери домой. Как я поняла, поло-

жение в семье было трудным. Марика была старшей дочерью баронессы Глории Файнштейн, а кроме нее еще две младшенькие.

Из писем баронессы следовало, что у папеньки обострилась подагра и он совсем не в состоянии следить за делами. А у самой баронессы вечные мигрени. Имение пришло в упадок. Часть селян, кто в силе, подались на войну и урожай собирать некому. Да и не уродился он, а значит год будет голодный и сестрам нечего будет отложить на приданое. А Марика может устроиться гувернанткой к дочери леди Честерс и преподавать игру на фортепиано. Хоть какая-то денежка в дом.

Я отложила в сторону слезные письма. Мне придется разочаровать Глорию Файнштейн. На фортепиано я играть не умею и представления не имею, чему могу научить дочь леди Честерс. Если только как правильно обрабатывать раны.

На следующее утро я была в состоянии сделать несколько кругов по небольшой комнатке и умыться над тазиком, не испытывая головокружения при наклоне головы.

Попросила фру Ханну дать мне какое-нибудь платье. Хватит, залежалась, пора и в свет выходить. Хотя бы доползти до улицы и подышать свежим воздухом, присев на лавочку.

Фру Ханна приподняла крышку небольшого сундука. Достала совсем простое шерстяное платье с глухим воротом и длинными рукавами.

- Все твое добро здесь, Марика. Я все аккуратно уложила, чтобы...

Фру Ханна замялась. Все понятно, все уложила в одно место, чтобы потом послать родителям, после моей смерти.

Прежде чем надеть платье, Ханна подала мне теплые чулки, которые подвязывались лентой под коленом. Следом, на нижнюю сорочку, Ханна помогла мне надеть платье, которое на спине застегивалось на несколько крупных пуговиц.

- Плащ у тебя хороший, с мехом, - Ханна встряхнула длинный темный отрез ткани, который оказался накидкой без рукавов. Небольшая меховая опушка шла вдоль ворота. Под опушкой нашлась серебряная застежка, что скрепляла между собой полы накидки.

- Надень платок на голову, ветер ледяной, - строго произнесла Ханна и заботливо накрыла меня шалью. На ноги нашлись ботиночки на небольшом каблучке. Мягкие, сшитые точно по ножке.

«Таких в моем мире точно в простом магазине не купишь» - подумала я, разглядывая обувь. Это всегда было мое больное место. У меня раньше была широкая ступня с высоким подъемом и не каждая обувь подходила, а иную и вовсе надо было долго разносить, чтобы сидела по ноге.

Фру Ханна вывела меня на улицу. Я огляделась. Сам госпиталь был в отдельном доме из бруса, а персонал жил в небольшой пристройке. Несколько голых деревьев дополняли унылый пейзаж, а за ними виднелась дорога, что шла че-

рез поле с пожухлой травой.

На улице и правда было холодно. Ледяной ветер обжег щеки, и я плотнее закуталась в шаль. Но, несмотря на холод, уходить не хотелось. Я так соскучилась по свежему воздуху. По клочку голубого неба над головой. Наверное, именно в этот момент я себя почувствовала по-настоящему живой. Так удивительно. И так мало надо для счастья. Просто вдыхать полной грудью воздух и чувствовать озябшие кончики пальцев на руках. Слышать глухое карканье вороны, спрятавшейся в кроне дерева.

- Ну что, нагулялась? Пойдем назад, в дом? – спросила Ханна.

- Подожди. Еще чуть-чуть.

Я посмотрела в даль. К госпиталю приближалась повозка, которую с трудом тащила понуряя лошадь.

- Смотри, Ханна. Кто-то едет к нам...

- Понятно кто. Раненых везут. Ты иди, детка. Ложись. А я помогать пойду.

Я несогласно затрясла головой. Разве смогу я спокойно лежать, когда нужны будут лишние руки.

- Нет, Ханна. Я с тобой.

Не успел фургон приблизиться к госпиталю, как началась суета. Из распахнувшейся двери в госпиталь высыпали люди. Несли носилки и тут же из фургона на них перекладывали людей.

Я стояла в отдалении, не хотелось мешаться под ногами. Потом, когда всех занесут, обязательно войду внутрь.

- Самых тяжелых привезли, - сказала Ханна, - тех, кто способен на ногах стоять, в передвижном госпитале лечат. Перевяжут рану, и обратно... на поле боя.

- И как часто привозят? – спросила я.

- Слава богам, на спад пошло. А раньше после крупного боя несколько фургонов прибывало за раз. Ложить их, бедных солдатиков, было некуда. Многих, из простых мужиков, прямо на пол устраивали, на солому. Накроют дерюгой, так они и лежали там. Кто до выздоровления, если бог даст. А многие обрели покой. Вон там, за сосенкой, видишь?

Я повернула голову в указанном направлении. Чуть дальше росла кривая сосна, а дальше... множество вбитых в землю низких столбиков. Могилы – поняла я.

- Может приляжешь пойдешь? Бледная вся, - посмотрела на меня Ханна.

- Нет. Все хорошо, - заупрямилась я.

Чувствовала легкую слабость из-за долгого стояния на но-

гах. Но это такие мелочи. Все мое нутро толкало меня вперед. За мужиками, тащившими в госпиталь последние носилки. Мне была видна свесившаяся рука, едва прикрытая разодранным рукавом. Она покачивалась в такт шагам, словно звала меня за собой.

- Пойдем, - позвала я Ханну.

Внутри царил хаос. Я даже сперва растерялась. Закрутила головой, не понимая, куда идти.

Из коридора выходило несколько дверей в разные стороны, а прямо – лестница на второй этаж. Пахло кровью и душным запахом немытых тел.

Мимо, не обращая на нас внимания, пробегали люди – женщины с ведрами полными воды или корзинками, из которых выглядывали рулоны матерчатых бинтов.

Ханна завела меня в небольшое хозяйственное помещение, где можно было раздеться. Тут же, на стеллажах вдоль стены лежали корзины с ветошью и бинтами. И еще было что-то похожее на вату. Я вспомнила старинное название – корпия.

- Уж сколько я бинтов перестирала, да ниток нащипала, а все равно всегда не хватает, - посетовала Ханна. Она захватила одну корзинку с бинтами, а другую, с корпией, дала мне.

- Нам сюда, - подхватила меня под руку Ханна.

Мы вошли в длинное помещение. Прямо на полу, в носилках или на постеленной наспех подстилке лежали люди. Кто-то сдавленно стонал, другие, стиснув зубы, молча пере-

носили боль. А некоторые и вовсе в беспамятстве были.

Над ранеными склонился доктор с окладистой бородкой. Возле него крутилось три лекаря. Одна из женщин подавала смоченную в воде тряпку, чтобы можно было оттереть кровь и лучше осмотреть рану.

Доктор осматривал быстро, по-деловому бросая рекомендации, не отрываясь от своего дела.

- Этого срочно в операционную. А здесь... смените повязку. Корпию пропитайте как следует мазью. Ничего, жить будет. Такс, кто у нас дальше...

Я ходила за доктором как тень. Выглядывала из-за его плеча, стараясь не привлекать внимание. Боялась, что прогонит. Но все же я наткнулась на предупреждающий взгляд Эдварда Грайта.

- Баронесса? Что вы здесь делаете?

- Я хочу помочь.

- Вы сами едва на ногах стоите. Впрочем... загляните в офицерскую палату. Барон Кауфман просил кого-нибудь прислать, чтобы написать письмо семье.

- Письмо? Вы издеваетесь? Когда здесь не хватает лишних рук!

- Баронесса, каждый должен заниматься своим делом...

На нас оглянулись. На меня с осуждением. Словно я под ногами мешаюсь, вместо того чтобы делать важное дело. Например, писать письмо для барона Кауфмана.

- Не отвлекайтесь, - шикнул доктор, - идем дальше. Это-

го...

Доктор нагнулся над очередным пациентом. Раскрыл края пропитанной кровью рубашки. Покачал головой.

- Безнадежно. Позовите сиделку, пусть побудет с ним последние часы.

Процессия прошла дальше. А я нагнулась над раненым. Пуля попала в живот и разворотила внутренности. Как ни прискорбно, но доктор прав.

Несколько человек положили на носилки и перенесли в операционный корпус. Над другими склонились сестры в темных платьях с белыми передниками и сноровисто делали перевязки. Тех, кто безнадежен, переместили в сторону. В самый угол возле стены.

Их было четверо. Я поочередно склонилась над каждым, признавая правоту доктора. Даже в условиях современной медицины это было бы бессмысленно.

Последний мужчина неподвижно лежал, вывернув к стене голову. Руки с разодранными рукавами безвольно вытянулись вдоль тела. Я бегло его осмотрела, отметив неестественно вывернутую ногу. Наверняка перелом со смещением. Рубаха на груди разодрана и в прореху зияла рана с рваными краями. Края раны покраснели и отекли.

Я нагнулась. Попыталась определить, осталась ли в ране пуля. Проверить, есть ли выходное отверстие. Было видно, что этим человеком никто не занимался прежде.

Я дотронулась до его плеча, пытаясь просунуть руку под

спину. Мужчина застонал и повернул ко мне лицо.

Приоткрыл глаза, и я утонула в бирюзовом взгляде.

Сухие губы чуть слышно прошептели:

- Ты ангел?

А я... я лишь могла потрясенно прошептать:

- Костя?

Костя?

Нет, я, конечно, понимаю, что это не он. Но как похож. Просто одно лицо. Особенно если сбрить густую щетину с щек.

Хотя нет, если приглядеться видно, что это другой человек. Жесткая линия губ, нос с небольшой горбинкой. Да и вообще, более матерый на вид, хотя вряд ли старше моего Кости, когда я выходила за него замуж.

Но все же, как похож! Что сердце заходится на один взгляд на его лицо.

Я оборачиваюсь, шаря глазами по комнате. Нет ни одного лекаря, лишь несколько женщин склонились над ранеными.

- Позовите лекаря. Этот человек жив! Его можно спасти!

- Кого было можно, врач забрал в операционную. А здесь... только молиться, - устало проговорила одна из женщин.

- Нет. Врач ошибся. Пожалуйста...

На меня никто не обращает внимания. Да и Ханна куда-то запропастилась.

Что ж. Придется все брать в свои руки. Поискать лекарей и заставить их выслушать меня.

Я взглянула на распростертого передо мной мужчину. Он лежал не шевелясь, лишь сухие губы что-то шептали в бреду.

«Держись. Я спасу тебя» - мысленно пожелала я, и чуть помедлив, добавила, - «Костя».

И от этого имени такое тепло разливается в душе. И уверенность, что я справлюсь, потому что не могу потерять его еще раз.

Доктор в операционной. Меня не пускают, но я требую лекаря. Требую, чтобы немедленно осмотрели одного из пациентов, потому что уверена, что его можно спасти.

Один из лекарей все же идет вслед за мной. Пожилой, с усталым взглядом и сутулыми плечами. Чуть слышно ругается под нос.

- Что за переполох вы тут устроили? Думаете, умнее доктора? У нас и без того слишком много работы.

Мы склоняемся над Костей. Мысленно я так называю неизвестного мне мужчину.

- Ну... что тут у нас? – разговаривает сам с собой лекарь, - кости ноги раздроблены, придется ампутировать. Если выживет. А рана на груди... Вы видели его рану? Она отечная и горячая на ощупь.

Лекарь, с усталым вздохом, провел рукой по седеющим вискам. Он видел такое не раз. Слишком много раз. Его пальцы, привыкшие к боли и смерти, осторожно ощупали рану.

- Безнадежно, - пробормотал он, качая головой. - Пуля задела легкое. В таком состоянии... у него нет шансов.

- Нет, нужно попробовать, - тихо, но твердо возразила я.

Лекарь выпрямился и устало посмотрел на меня.

- Баронесса, - сказал он, положив руку мне на плечо, - Я понимаю ваше желание помочь. Но иногда... иногда лучше позволить им уйти с миром. Никто не сможет сотворить чудо.

- Я не согласна, - твердо произнесла и посмотрела с вызовом, - чудо не нужно. Нужны знания. У нас есть шанс. Нужно остановить кровотечение, удалить осколки пули и зашить рану. Я знаю, как это сделать

Лекарь скептически посмотрел на меня, не зная, как относиться к моему заявлению. В его глазах явно читалось, что бедная баронесса выжила из ума.

- Я училась у нашего лекаря. В тайне от матушки. Много читала книг о медицине. Знаете... меня всегда это интересовало. Лекарь доверял мне зашивать раны... дайте мне шанс. Инструменты, какие есть. Всю ответственность я беру на себя. Разве вы не дадите ему шанс выжить? – я болтала все, что приходило в голову. Смотрела умоляюще. Да все что угодно, лишь бы меня допустили до инструментов и лекарств.

- Хорошо, - наконец сдался лекарь, - попробуйте. Я могу вам дать нужные инструменты. Но не думаю, что это одобрит доктор.

- Если все пройдет удачно, то непременно одобрит. А если... я всю ответственность возьму на себя. Скажу, что инструменты взяла без спроса.

Я много что еще говорила, видела, что лекарь сдается под

моим напором. Единственное, что я боялась, это потерять драгоценное время.

Костю на носилках перенесли в небольшое помещение. Положили на стол. Лекарь принес мне небольшой кофр с инструментами.

Я глубоко вздохнула, собираясь с мыслями. Мне нужно убедить лекаря все сделать правильно, и не потерять ту нить доверия, что протянулась между нами.

- Лекарь, я знаю, это прозвучит странно, но... нам нужно стерилизовать инструменты. Прокипятить их в воде. И обработать руки перед операцией. Спиртом, если он есть, или хотя бы крепким вином.

Лекарь смотрел на меня с недоверием.

- Они прокаливались на огне. Поверьте, все инструменты чисты.

- Но прошло время. Поверьте мне, - умоляюще произнесла я, - В рану попадают невидимые глазу существа, микробы. Я читала об этом в книгах. Они вызывают заражение и убивают пациента. Если мы убьем их, прежде чем они попадут в рану, у солдата будет шанс выжить.

- Хорошо, - наконец сдался лекарь под моим напором. — Это все? Или вам еще что-то нужно?

Я облегченно выдохнула.

- Нужно кипятить воду, много воды. И спирт, если он есть. Чистые тряпки, иглы и нитки.

В течение следующего часа царила лихорадочная суэта. Я

руководила процессом, объясняя лекарю каждый свой шаг. Одна из женщин принесла нам инструменты, которые прокипятила в огромном котле. Я умоляюще просила ее ничего не касаться руками, а из кипятка все вынуть длинными щипцами и сложить в металлический таз. Но и его прежде ошпарить кипятком.

Мы тщательно вымыли руки и обработали их спиртом, который чудом нашелся в госпитальных запасах.

С помощью одной из сестер-милосердия, мы срезали с Кости лохмотья, полностью обнажая грудь и сломанную ногу. У меня сердце дрогнуло, когда я посмотрела на торчащую из раны кость. Но это все потом. Главное вытащить пулю и зашить рану.

Я дрожащими руками взяла скальпель. Сколько лет я этого не делала. Но знания, они четко отпечатались в моей голове. И от того, как я смогу сосредоточиться, собрать в кулак всю свою волю. И не думать... не думать о плохом. От этого зависит чужая жизнь.

Я смогу. Мне нельзя по-другому. Иначе зачем я здесь. В этом мире.

Я глубоко вдохнула и сделала первый разрез. Операция началась.

Я все делала на автомате, абсолютно отрешившись от реальности. Не чувствовала ноющих от усталости ног и борясь с подступавшей слабостью.

Инструменты в моих руках казались грубыми и примитивными по сравнению с теми, к которым я привыкла. Но времени на сомнения не было.

Я глубоко вдохнула, стараясь унять дрожь в руках. Сказала себе - "Сосредоточься, Маргарита Робертовна. Ты врач. Ты знаешь, что делать."

Я выбрала самый острый скальпель и сделала надрез, расширяя рану. Кровь хлынула, заливая грудь мужчины. Я быстро промокнула ее чистой тряпкой.

Дальше – самое сложное. Нужно найти пулю.

Пот струился по лицу, руки дрожали от напряжения. Наконец, я нащупала твердый комок – пуля. Зажимом я аккуратно подцепила ее и вытащила. Бросила в тазик, и она стукнулась о дно.

Затем я промыла рану травяным настоем, стараясь удалить все осколки и грязь. Теперь – зашивание. Грубая игла, толстая нить. Каждый стежок – это боль, но я старалась делать их как можно быстрее и аккуратнее.

Время от времени бросала быстрый взгляд на своего пациента. Совсем белое лицо и стиснутые губы. Он словно, да-

же находясь в бреду, усилием воли давил в себе стон.

Наконец, последний стежок. Я вытерла пот со лба и осмотрела свою работу. Рана была зашита, кровотечение остановлено. Оставалось только наложить повязку.

А после... не менее сложное. Нужно заняться ногой.

Рядом стоял лекарь. Внимательно следил за моими действиями. Пытался давать советы, которые я почти все отметала в сторону. Слышала его недовольное фырканье.

Но какое мне до него дело! Не мешает, и на том спасибо!

- Ногу необходимо ампутировать, - прохрипел он, - иначе заражение и вся ваша работа насмарку.

Ампутировать! Как же легко они здесь расстаются с конечностями!

- Нет, - твердо сказала я, перебивая лекаря. - Мы попробуем вправить кость.

Лекарь лишь фыркнул, но не стал спорить. Видимо, решил, что я слишком упрямая. Но в глазах его читалось:

«Ну-ну, посмотрим, что из этого получится. И не говорите потом, что я был не прав».

Осторожно, стараясь причинить как можно меньше боли, я начала вправлять кость. Каждый миллиметр давался с трудом. Кость не выдержал и застонал, сжимая зубы. У меня от этого звука чуть дрогнули руки. Мысленно попросила.

«Потерпи, пожалуйста. Осталось совсем чуть-чуть».

Наконец, с тихим щелчком, кость встала на место.

Теперь – фиксация. Гипса не было. Нужно импровизиро-

вать.

- Мне нужны дощечки. Нужно зафиксировать ногу, - обратилась я к лекарю, - а еще... смола. У вас же есть смола? Мне нужно растопить немного.

- Хорошо. Я сейчас распоряжусь, - кивнул лекарь.

Каждая бесцельно пройденная минута казалась вечностью. Наконец мне подали гладкие дощечки, и я подложила под них мягкую ткань, чтобы не натереть кожу. Теперь нужно зафиксировать все это.

Бинты! Их оставалось немного, но хватило, чтобы плотно обмотать ногу.

Теперь пришла очередь смолы. Мне принесли ее в еще горячей чашке. Я опустила полоски ткани в смолу, обжигая пальцы. Нужно как следует пропитать ткань и обмотать ими ногу поверх бинтов. Получился своеобразный гипс, конечно, примитивный, но он должен был удерживать кости на месте. Грубо, но это было лучше, чем ничего.

Все!

Я придирчивым взглядом осмотрела свою работу.

Я сделала все, что могла. Теперь оставалось только ждать. Выживет ли он? Я не знала. Но я надеялась. Надежда – это все, что у меня оставалось в этом чужом для меня мире.

Я распрямила спину, чувствуя ноющую боль во всем теле. Но это такая ерунда. Отлежусь и все пройдет.

- Что вы себе позволяете, баронесса Файнштейн?

Я оглянулась на голос. В дверях стоял доктор и с некото-

рым осуждением смотрел в мою сторону.

- Простите, доктор. Я попыталась сохранить этому человеку жизнь, - произнесла я усталым голосом. Сил на спор совсем не было.

- Это самоуправство! Вы ставите под сомнение мой авторитет! Вы...!

- Но, доктор, я спасла ему жизнь! – мой голос дрожал, но я смотрела доктору прямо в глаза, - я знаю, что нужно делать. А вы не дали ему и шанса...

- Баронесса, вы... вы смеете меня учить?!

Я чувствовала, как мир вокруг меня начинает плыть. Усталость, слабость, напряжение последних дней – все это обрушилось на меня разом.

- Я... я просто хотела помочь... – прошептала я, прежде чем потерять сознание и рухнуть на пол.

Я очнулась в своей комнате. Стоило только приоткрыть глаза, как надо мной склонилась Ханна.

- Ну и напугала ты меня, детка. Стоило мне на несколько минут отойти, как ты такой переполох затеяла.

Переполох... я скривила губы.

- Он жив? – только и спросила.

- Кто? Солдатик твой? Жив пока...

Пока.

Я приподнялась на подушках. Время разлеживаться совсем нет. Да и с врачом надо отношения выяснить.

- Долго я здесь лежу? – спросила я Ханну.

- Вечер уже на дворе. Доктор велел не будить тебя, дать отоспаться, а после накормить крепким бульоном.

- Хорошо. Поесть мне сейчас точно не помешает. Силы нужны. И отвар из трав.

Ханна согласно кивает и выбегает из комнаты. Я встаю на ноги. Небольшая слабость дает о себе знать, но это скорее от голода. На мне все еще то платье, что было утром. Только чулок не было, и я увидела их сиротливо лежащими на стуле.

Ханна застала меня, когда я подвязывала чулки лентой, практически готовая выйти из комнаты.

- Ты чего это удумала? Никуда я тебя не пущу!

- Мне нужно проверить как его состояние. А если лекарь

разрешишь, я бы и других раненых осмотрела. Ханна, пожалуйста... просто помоги мне.

- Ладно. Только все съешь для начала.

Я быстро выпила целую чашку бульона с плавающими в нем кусочками овощей. Прикусывала ломтем ржаного хлеба. Ароматного и тяжелого.

После обула ботиночки и накинула плащ. Ханна тяжело вздохнула и направилась следом за мной.

В палате было тихо и сумрачно. На комодке возле стены горела единственная лампа. Раненые стонали во сне, кто-то бредил. Я нашла Костю в дальнем углу. Он лежал неподвижно, лицо горело, губы потрескались.

- Жар, – прошептала я, прикладывая руку к его лбу. – Нужно что-то делать.

Я принялась осматривать рану, проверяя повязку, ощупывать пульс. В голове лихорадочно мелькали мысли: антисептики, антибиотики... Но здесь, в этом отсталом мире, у меня не было ничего из этого.

- Что вы здесь делаете, баронесса? - раздался за спиной строгий голос доктора.

Я вздрогнула и обернулась. Доктор смотрел на меня с нескрываемым удивлением.

- Я... я просто хотела убедиться, что с ним все в порядке, - проговорила я. Вскинула голову, не зная, что ожидать от доктора. Опять начнет отчитывать меня? Упрекать, что я лезу не в свое дело?

Доктор потерял пальцами свою бородку, не отрывая от меня внимательного взгляда. Лишь стеклышко монокля блесло от отражающегося в нем света лампы.

- Где вы всему этому научились? Помнится раньше, вы, голубушка, от одного вида крови бледнели.

Я неопределенно пожала плечами. Что тут скажешь. Приходится только изворачиваться.

- Я училась у домашнего лекаря. Тайком. Моя семья не одобряла моего увлечения медициной. Много читала книг...
- проговорила заученные фразы.

Доктор внимательно посмотрел на меня, словно пытаюсь разгадать ложь. В его глазах мелькнула тень сомнения, но он ничего не сказал.

- Простите меня, баронесса, - наконец произнес он, смягчившись. - Я был несправедлив. Я видел, как вы работали. С какой решимостью и... знанием дела. Я был уверен, что он умрет. А вы... вы дали ему шанс. Настоящее чудо.

«Это не чудо. А знание» - хотелось ответить мне, но я лишь скромно потупила взгляд. Чем будет меньше вопросов, тем лучше. Врать я совсем не люблю. Ловчить и изворачиваться... не мое это.

- Доктор, у солдата сильный жар. Что мы можем сделать?
- спросила я, возвращаясь к осмотру раны.

Доктор подошел ближе и тоже приложил руку к его лбу.

- Да, жар сильный. Мы можем обтирать его прохладной водой, давать пить отвар из коры ивы. Это все, что мы можем

сделать, - ответил он с горечью.

- Отвар из коры ивы... это как аспирин, - прошептала я, вспоминая свои знания. - Но этого недостаточно. Еще нужна чистота. Нужно следить за тем, чтобы рана не загрязнилась.

Доктор кивнул.

- Вы правы, баронесса. Мы делаем все, что в наших силах. Но... не переусердствуйте. Вам самой нужен отдых. Вы все еще слабы после болезни.

Я лишь беспечно махнула рукой. Нужно сделать кое-что еще.

- Еще один вопрос, доктор. Много ли сейчас мора в госпитале? Сколько человек заражены гнилой горячкой?

Доктор цепко посмотрел в мое лицо. Так, что стало не по себе.

- Извините, возможно я лезу не в свое дело. Но нужно устроить карантинную зону. Отделить заболевших горячкой людей от здоровых. Чтобы мор не шел дальше.

Сказала и с вызовом посмотрела в глаза. Опять скажет, что я смею учить доктора. Простая сестра-милосердия, не получившая никакого лекарского образования.

- Возможно вы и правы, - все же выдохнул доктор, - но сейчас слишком поздно это обсуждать. Советую вам вернуться в свою комнату и лечь спать. А завтра... завтра поговорим, что еще умного вы вычитали в своих книгах.

Спать я, конечно, не пошла. В палатах дежурило несколько сестер и вместе с ними я осмотрела раненых солдат, ко-

торым сегодня делали операции. Состояние двоих вызывало опасение. Их тела пылали так, что можно было обжечься.

- Ханна, принеси, пожалуйста воды с добавлением уксуса, и чистое полотно, - попросила я женщину, не отходившую от меня не на шаг.

- Всех, у кого жар... нужно отереть их водой. И давать побольше пить, - обратилась я к дежурящим женщинам.

Смочила полотно в уксусной воде и подала пример. Начала обтирать лежащего на кровати солдата. Лоб, шею, грудь. Кожа под моими пальцами была обжигающе горячей.

Я работала, не покладая рук, до поздней ночи. Ухаживала за ранеными, меняла повязки, поила водой, обтирала уксусом. Усталость валила с ног, но я не могла остановиться. Я чувствовала ответственность за этих людей. Я должна была сделать все, что в моих силах.

Под утро я, обессиленная, присела на стул рядом с Костей. Он все еще был без сознания, лицо бледное, как мел. Я смотрела на него и молилась. Молилась о том, чтобы он выжил. Молилась о том, чтобы все они выжили.

Я не заметила, как уснула.

Проснулась я от ощущения, что на меня кто-то смотрит. Подняла голову и споткнулась о его глаза. Бирюзовые. Яркие, как летнее небо.

Сердце колотилось в груди, как пойманная птица. Взгляд, устремленный на меня, был таким же, как у Кости.

Мое сердце замерло, пропустив удар. Словно время повернулось вспять.

Это невероятно. Хочется воскликнуть – «Так не бывает!»

И еще одернуть себя – «Не хватало тебе влюбиться на старости лет, Маргарита Робертовна. Это не Костя, хотя так похож, что греха таить!»

Быстро провела рукой по косынке на голове, заправляя выбившиеся пряди. Кольнула нечаянная мысль – «Как жаль, что остригли волосы». Но... все же врач во мне быстро взял верх над ненужными эмоциями, и деловым тоном я спросила:

- Как вы себя чувствуете?

- Словно меня переехал обоз, - он попытался улыбнуться, но гримаса боли на мгновение исказила его лицо, - кто вы?

- Я... - Я запнулась. Как объяснить? - Я помогаю здесь. В госпитале. Я... лекарь.

Он чуть приподнял вверх брови.

- Лекарь? Женщина? Не припомню, чтобы в нашей армии женщин-лекарей держали.

- А теперь будут.

Я поджала губы. Как же все сложно. Если я женщина, зна-

чит способна только повязки менять да кормить с ложечки?

Попыталась сосредоточиться на осмотре. Приложила ладонь ко лбу своего пациента. Все еще горячий, но жара сильно нет. Отогнула край повязки, осматривая рану. Кажется... все довольно неплохо. Даже несмотря на условия, в которых проводилась операция.

Бирюзовые глаза преследовали меня. Следили за каждым действием. Это немного смущало и волновало. Что скрывать.

- Я хотел бы увидеть доктора, - проговорил мужчина.
- Он осмотрит вас, когда у него найдется время.
- Нет. Вы не понимаете. Это важно!

Его рука перехватила мою ладонь, и он сжал ее. Твердая, не вырвешься. Шершавые пальцы царапали кожу.

- Прошу вас... это важно! – с нажимом произнес мужчина.
- Хорошо. Может быть, вам еще что-нибудь нужно? Ночной горшок, например?

Я предложила это обыденным тоном. Естественные потребности никто не отменял.

Мой пациент вспыхнул. На бледном лице проявились красные пятна, а бирюзовые глаза блеснули раздражением. Гордый.

Я хмыкнула. Что ж, пусть тогда ждет своей очереди, когда до него доберется мужской персонал, помогающий с гигиеническими процедурами.

- Вот ты где, детка, - услышала я голос Ханны за свой спи-

ной, - разве можно столько работать? Сама еле на ногах стоишь. Пойдем в комнату, хоть поешь немного.

- Я... я уже заканчиваю.

Теперь пришло мое время смутиться. Ханна хлопотала вокруг меня как наседка. А бирюзовые глаза моего пациента зажглись озорными искорками.

Я вернулась в свою комнату. Ополоснулась прохладной водой и передела запачканное платье. Провела гребешком по коротким волосам.

Захотелось посмотреть на себя в зеркало. Насколько я... красива? Неужели мне так важно мнение того мужчины? Глупо. Никогда раньше меня это не беспокоило. Если только очень давно, когда начинались отношения с Костей. С настоящим Костей.

А этот просто похож, вот и царапает сердце. Надо бы узнать его имя и перестать называть именем бывшего мужа. Так будет правильно.

К моему возвращению в госпиталь, тот заметно ожил. Ночная гнетущая тишина сменилась лихорадочной деятельностью. Сестры милосердия сновали туда-сюда,нося бинты, лекарства, воду. Лекари склонялись над пациентами, проводя осмотр. Но мне нужен доктор. Он обещал меня выслушать.

Доктора я нахожу в его кабинете на втором этаже. Стучусь в дверь и слышу его голос, предлагающий войти.

- А... это вы. Так не терпится удивить меня своими зна-

ниями...

Доктор отрывает голову от бумаг и откладывает в сторону перо. Я ловлю его взгляд, но в нем больше скуки чем заинтересованности. Наверное думает, как побыстрее избавиться от назойливой баронессы, лезущей не в свои дела.

- Доброе утро. Извините, что отрываю вас... но давайте вернемся ко вчерашнему разговору. Нужно устроить карантинную зону...

- Я думал об этом. Но у нас нет помещений. Все забито людьми. Куда вы предлагаете мне их класть? В сарай?

- Не нужно в сарай. Нужно выделить две дальние комнаты в госпитале. Они самые большие. Я их осмотрела... думаю, там можно разместить всех, кто сейчас болен горячкой. Но прежде все помыть с уксусом. И обязательно прокипятить белье. А еще бы хорошо устроить баню. Я когда-то читала, что...

Я запнулась, вспоминая случай, о котором читала в одном из медицинских журналов. В голове всплыла статья о борьбе с тифом в разгар одной из эпидемий.

- Я читала об одном случае, - продолжила я, стараясь говорить как можно более убедительно, - в одной стране, во время эпидемии тифа, врачи организовали общественные бани. Больных тщательно мыли, меняли белье, дезинфицировали помещения. И это помогло остановить распространение болезни. Высокая температура убивает вшей, переносчиков горячки, а чистота препятствует их размножению.

Доктор нахмурился, скрестив руки на груди.

- Баня? - переспросил он скептически.

- Мы можем организовать в одной из комнат. Жарко на-
топить камин, натаскать воды...

- Хм... я возьму на заметку, баронесса. У вас что-то еще?

- Да. Тот мужчина, которому я делала операцию. Он хотел поговорить с вами.

- Поговорить? Что ему может быть нужно? Кстати, один из врачей... Эдвард Грайт осмотрел вашего пациента. И на-
шел, что все сделано очень умело. Он жив, только благодаря
вам. Говорите, вас всему научил домашний врач?

- Да. Но есть ли возможность и мне стать врачом?

Этот вопрос мучил меня. Я хотела работать на равных с
мужчинами. А не просто менять повязки.

- Нужно закончить школу, баронесса. А это не так-то про-
сто. Нужно разрешение, приглашение из школы. У вас есть
протекция в высших кругах?

Протекция? Судя по письмам маменьки, влиятельной
родни у Марики не было. Да и само баронство находилось в
бедственном положении.

- Разве ничего нельзя сделать? – спросила, не особенно
надеясь на положительный ответ.

- Боюсь, я ничем не могу вас порадовать. Могу пореко-
мендовать от своего имени, но не рассчитывал бы сильно на
успех.

Но все же предложение доктора обрадовало меня. Кто

знает, чем все обернется.

- Доктор, - спросила я, прежде чем выйти, - а кто тот мужчина, которому я делала операцию?

- Какой-то бродяга. Его подобрала повозка, что везла раненых. Возница увидел его тело в придорожной канаве. Остановился проверить. При нем не было никаких личных вещей. Так что кто он, - врач пожал плечами, - одному богу известно.

Я целый день кручусь как белка в колесе. Удивительно, но это позволяет мне забыть о собственных болячках. Да, ноги начинают гудеть, когда я приземляюсь на стул и вытягиваю их. Временами накатывает слабость.

Но стоит встать и взяться за дело, как мигом пропадают неприятные ощущения и остается только мое дело. И люди, которые ждут помощи.

А дел много. Доктор все же внял моим словам и дал команду обустроить карантинную зону. И вот весь персонал, как один, взялись за работу.

Прежде доктор дал рекомендации как лучше все обустроить и, взглянув на меня, добавил.

- Предлагаю всем сестрам послушать баронессу Файнштейн. Она знает, что нужно делать.

На меня оглянулись. Кто-то с удивлением, а другие спокойно приняли мое главенство. Все же весть о проделанной мною операции уже успела облететь весь госпиталь.

Работы предстояло много, а рук не хватало. Для начала мы подготовили одну палату. Помыли все горячей водой с уксусом. Сменили постельное белье, а старое я попросила прокипятить с щелочью.

В перерыве собрались в общей столовой, где нам подали миски с горячей похлебкой и по куску хлеба. Я с аппетитом

поела, чувствуя, как силы возвращаются. Женщины расслабились и пользуясь минутами долгожданного отдыха беззаботно болтали, вспоминая мирную жизнь и свой дом.

- Что-то ваш солдатик совсем ничего не ел, - произнесла подсевшая ко мне женщина.

- Как он? Жар? – тут же встрепенулась я.

- Есть немного. Но уж больно он беспокойный. Все встать порывался, да велел доктора позвать. И тон такой... приказной. Вы уж с ним поговорите, чтобы вел себя потише.

Я хмыкнула. Если тон приказной, то не так с моим пациентом все и плохо. Но вот что не ест... нужно с ним поговорить. Хотя бы кружку бульона заставить выпить.

Ближе к вечеру я смогла выкроить минутку и подошла к своему пациенту. Тот лежал, закрыв глаза и я подумала, что он спит.

Но стоило мне нагнуться, как тут же попала в бирюзовый омут его глаз.

- Как вы себя чувствуете? – спросила я

- Достаточно хорошо, чтобы пообщаться с доктором. Он так и не выбрал за целый день минутку, чтобы поговорить со мной.

- Но вы же не единственный пациент. Госпиталь забит до отказа. Что-то случилось? Возможно, я смогу помочь.

- Вы? – у мужчины в усмешке дернулись уголки губ, - это не женское дело, сестра. Я благодарен вам за помощь, но мне нужно увидеться с доктором.

Я чуть нахмурилась. Что ж, ладно. Подойдем к этому упрямцу с другой стороны.

- Почему вы ничего не ели?

- Я не настолько болен, чтобы меня кормить из ложечки.

- Я не собираюсь вас кормить. Но сейчас налью в кружку бульон и обещаю, что выпьете все до последней капли. Вы же хотите побыстрее встать с постели?

- Безумно, - рассмеялся мужчина, отчего чуть заметные лучики морщинок обозначились в уголках глаз, - буду вам очень признателен, сестра.

Я сходила на кухню и зачерпнула остававшийся на дне громадной кастрюли бульон. Специально выбрала кружку побольше с удобной ручкой, чтобы ему было удобно пить.

Все поставила на табурет перед кроватью, который заменял столик.

Мужчина оперся на руки, приподнимая тело, а я повыше подставила за его спиной подушку, чтобы ему было удобно сидеть. Потянулась, чтобы подать ему кружку.

- Я сам, - произнес он, но тут же более мягко добавил, - спасибо, сестра.

Я видела, как ему тяжело дается каждое движение. Я заметила, как напряглись мышцы его лица, когда он потянулся за кружкой.

Наверняка дернула рана. И как он с облегчением выдохнул, когда кружка оказалась в его руке.

Мужчина вдохнул аромат, прежде чем отпить. А после

сделал небольшой глоток.

Я не хотела... но все же следила за ним глазами. Его побрили, и теперь та часть щек, что была скрыта щетиной, была намного светлее основного тона кожи. Заметнее дерзкий изгиб губ. Нижняя губа немного полнее, чем верхняя. И я представила...

Но тут же одернула себя. «Ну ты даешь, Маргарита Робертовна. У тебя пациент чудом жив остался, а ты думаешь, какого было бы с ним целоваться. Да еще все время сравниваешь его с Костей. Пора прекращать это безобразие».

- Хотите еще? – спросила я.

Наверняка не наелся. Все же вон какой... высокий, поджарое мускулистое тело. Кубики на прессе, которые я успела оценить. Ему питаться нужно хорошо. Скоро одного бульона будет слишком мало. А мясо в госпитале сейчас большая редкость. Запасы продовольствия состояли в основном из круп и муки. В бочках хранилось соленое сало.

- Нет. Спасибо.

Мужчина легко улыбнулся. Повертел в руках пустую кружку. Я забрала ее, слегка соприкоснувшись с ним руками.

- Я навещу вас позднее. Принесу лекарство и нужно будет обработать рану.

- Вы словно мой ангел-хранитель. Можно узнать ваше имя?

- Можно. Это не секрет. Мар... Марика.

- Марика, - он произнес мое имя медленно, словно пробуя его на вкус. – Красиво звучит.

Я смутилась от похвалы. Так глупо. Я ведь не юная барышня, а все равно... приятно.

- А как ваше имя? – задала я мучавший меня вопрос.

- Госпожа Марика, - окликнула меня одна из сестер.

Я встrepенулась. С долей сожаления разорвала взгляд, уходя из плена бирюзовых глаз. Оглянулась.

- Что-то случилось? – спросила я.

- Да. Палата готова. Нужно отчитаться. Доктор спрашивает. Вы же у нас главная. Вот мы и подумали...

Ясно. Если доктора все устроит, то похвалят всех. А если что-то не так, то все придиpки выльются на мою голову.

- Мне нужно идти, - сказала я, кинув взгляд на своего пациента.

- Но вы же еще вернетесь? Марика... - мужчина взглянул чуть насмешливо. Словно знал, что обязательно вернусь. И не только мой долг будет меня толкать к его постели. Но и любопытство. Ведь я так и не узнала его имя.

Доктор осмотрел палату и остался вполне доволен. На кроватях было заправлено чистое белье, а в воздухе витал кисловатый запах уксуса.

- Вы обещали рассмотреть мое предложение про баню, - напомнила я.

- Вы настойчивая, баронесса. Хотя я не совсем разделяю ваши убеждения, - в задумчивости погладив свою бородку, проговорил доктор.

- Пожалуйста, доверьтесь мне. Так будет правильно. Вот

увидите, после этого эпидемия пойдет на спад. Я читала в древней книге, что чистота – это основа здоровья для человека.

Доктор улыбнулся.

- Голубушка, вас после болезни словно подменили. Почему вы раньше скрывали ваши знания? Признаться, мне от-
радно видеть такую увлеченную медициной особу. Обычно девушки вашего возраста думают совсем о другом.

Знал бы доктор... даже немного жаль, что я не могу ему открыться. Передать полученные знания и накопленный опыт. А так, приходится выкручиваться.

- Я присматривалась к вашей работе, доктор. К тому же скромность не позволяла мне лезть вперед со своим мнением. Но после болезни... я немного по-другому взглянула на мир. Зачем прятать знания, если они принесут пользу людям.

Я вполне искренне посмотрела доктору в глаза. Надеюсь, экзамен сдан? А то у Маргариты Робертовны еще много идей в запасе.

- Ладно. Оборудуем завтра одну из комнат под помывочную. Только какую?

- В прачечной, - тут же откликнулась я. Успела побывать в ней и оценить удобства, - там есть большой камин и каменные полы. Мы можем легко ее приспособить.

Доктор вздохнул, провел рукой по волосам.

- Уговорили. - Он произнес это так тихо, что я едва рас-

слышала. - Но я буду лично контролировать весь процесс. И если хоть один солдат почувствует себя хуже, я немедленно прекращу это безумие.

- Не беспокойтесь. Уверена, все пройдет хорошо. И еще, доктор... тот мужчина, мой пациент, он настаивает на встрече с вами.

- Его что-то беспокоит?

- Чувствует он себя неплохо, после такой операции. Думаю, это личное. И... он совсем не похож на бродягу.

- Надеюсь он не собирается меня беспокоить по пустякам. Хорошо, я навещу его. Вечером, после обхода.

Окрыленная успехами, я занялась своими делами. Рук не хватает, столько нужно успеть. У многих раны были воспалены и нужно сделать перевязки. Одна из сестер носила поднос с инструментами, которые я предварительно попросила прокипятить. Удаляла подсохший гной и протирала раны настойкой из трав. В арсенале госпиталя была неплохая мазь из пчелиного воска. Я пропитывала ею корпию и наносила на раны. Следом делала повязку.

Перехожу от одного пациента к другому. Многие улыбаются мне и пытаются заговаривать. Но я лишь вежливо улыбаюсь в ответ. Моя помощница достаточно словоохотлива и справляется с пустой болтовней за нас двоих.

Своего загадочного пациента оставила напоследок. Забираю у помощницы лоток и отпускаю. А сама присаживаюсь на стул у его кровати.

Мужчина тут же приоткрывает глаза и слегка улыбается сухими губами. Привычным жестом я кладу ладонь ему на лоб. Горячий. Лихорадка не спадает. Это плохо. Я кусаю губы, размышляя, что еще могу сделать.

- Марика, улыбнитесь. Не нужно хмуриться из-за меня.

- Непременно. Когда вы полностью будете здоровы. А сейчас позвольте мне осмотреть вашу рану.

Аккуратно, стараясь не причинить боли, я размотала старую повязку. Рана выглядела воспаленной, но, к счастью, не было признаков гноя. Я осторожно промыла ее настойкой, удаляя засохшую кровь.

- Может быть немного неприятно, - предупредила я, делая перевязку.

- Ваши нежные ручки могут лишь принести удовольствие.

- Флиртуете? - не удержалась я от сарказма, - вы не в том положении, чтобы ухаживать за девушками.

- Я вам не нравлюсь... такой? – мужчина иронично приподнял вверх бровь, - дайте мне шанс, когда я встану на ноги.

Я лишь усмехнулась в ответ. Флирт – это совершенно не мой конек. Да и когда это было у меня в последний раз, вспомнить страшно. А тут... вторая молодость и такой мужчина рядом. Словно мой Костя решил заново родиться в этом мире. И ждал меня, чтобы встретиться.

Но... так же не бывает?

- Хорошо. Встанете на ноги, а там посмотрим, - строго проговорила я, заканчивая перевязку.

- Кстати, вы так мне и не назвали ваше имя.

- Мм... попробуйте угадать.

Угадать? Я усмехнулась. Решила поддержать игру.

- Что ж, пожалуйста. Костя.

Сказала, а сама внимательно всмотрелась в лицо мужчины. Сердце чуть быстрее заколотилось в груди. Сама не понимаю, почему его ответ так для меня важен.

- Откуда вы знаете? Я бредил? Разговаривал во сне?

Мою руку до боли сжали его пальцы и я взглянула в его обеспокоенные глаза.

- Нет. Вы не произнесли и слова. Хотите сказать, я угадала?

- Правда не знали? Да... почти правильно. Коста.

- Коста, – прошептала я. И тут же прижала ладонь к губам.

Так неожиданно. И так много совпадений. Внешность. Имя. Мои разбушевавшиеся чувства внутри. Так же не бывает! Или... что, если судьба дает нам второй шанс.

Но я же всегда была рационалисткой. Все раскладывала в голове по полочкам. Разумно находила объяснение каждому чуду. А сейчас судьба делает ответный ход. И показывает, что чудеса бывают.

- Что случилось, Марика? Вы так побледнели...

Мою руку все еще удерживает его ладонь. Но более мягко, так, чтобы не причинить боли.

- Я... нет, ничего не случилось. Просто так все неожиданно...

Я улыбнулась. Наши взгляды снова встретились, и я заделась, как девчонка.

У входа в палату мелькнула фигура доктора. Я аккуратно выдернула руку из-под накрывавшей ее ладони. Поспешно подхватила лоток с инструментами.

- Доктор сейчас подойдет к вам. Мне пора. Уже слишком поздно.

- Но мы же увидимся завтра... - Коста посмотрел на меня.

- Конечно, - пообещала я, - я вас не отпущу, пока не поставлю на ноги.

- А после вы обещали дать мне шанс, - произнес Коста.

Я вернулась в свою комнату. Закусила губу, чтобы спрятать улыбку. Такую глупую, как у влюбленной девочки.

- Что с тобой, Марика? Вся светишься. Доктор похвалил? - зевая, поинтересовалась фру Ханна.

- Ага. Мы с ним сошлись во мнениях, - сказала я полуправду. Хотя светилась я вовсе не от этого.

Утром быстро умылась и наспех перекусила кашей. Ноги сами понесли меня в знакомую палату.

Я застыла в дверях, найдя глазами кровать в самом конце палаты. Нерешительно сделала несколько шагов вперед. Сердце дрогнуло от дурного предчувствия.

Кровать Косты была пуста.

- Где мужчина, что лежал на этой кровати? – потерявила я за плечо дремавшего на соседней койке солдата. Тот был контужен и едва ли слышал и половину моих слов.

- А... что? Мужчина?

- Да... он лежал рядом с вами. Он... жив?

- Жив... его перенесли в другую палату.

Я прошлась по всем комнатам, но нигде не нашла Косту. На все мои вопросы сестры лишь пожимали плечами. Не выдержав, я взлетела по лестнице на второй этаж и постучала в кабинет доктора.

Тот сразу распахнул дверь, но вышел ко мне сам, не давая мне заглянуть внутрь.

- Что-то случилось, голубушка? На вас лица нет. Если вы насчет помывочной, то можете не беспокоиться. Я дал все необходимые распоряжения.

- Спасибо, но я по другому вопросу. Мой пациент... куда его перенесли?

- Не беспокойтесь. С ним все в порядке, - доктор позволил себе снисходительно улыбнуться, - займитесь своими делами, баронесса. А о том пациенте я позабочусь сам.

- Не понимаю... - я уставилась на врача, требуя объяснений.

- Как вам сказать, он не совсем простой пациент. Скажу

больше... очень знатная особа. Советую вам забыть про него и обратить внимание на других пациентов.

- Забыть? – на моем лице отразилось разочарование, а внутри что-то больно кольнуло. Прямо в самое сердце.

- Позвольте поинтересоваться, с ним все хорошо? Лихорадка? Как нога? Ее ни в коем случае нельзя беспокоить. И рану нужно промывать...

- Баронесса, - доктор положил мне руку на плечо и внимательно посмотрел в глаза, - я очень ценю, что вы сделали. Но на этом ваше участие закончено. Позвольте дать вам совет – забудьте. Вы, кажется, искали своего жениха? Так вот, я узнавал... он был ранен, но сейчас идет на поправку. Находится в госпитале в пятидесяти милях отсюда. Хотел вам потом рассказать, но, пожалуй, сейчас самый подходящий случай.

Жених? Тот молодой человек с медальона. Я совсем о нем забыла.

- Я рада, что он жив.

- Хотите, я дам вам адрес госпиталя. Напишите ему письмо?

Я закусила губу. Что я напишу незнакомому мне человеку? Наверняка он ждет слов любви и верности, а мне так не хочется кривить душой.

Как же все сложно.

Я вернулась в палаты. Механически исполняла свои обязанности. Напоить отваром, поправить повязку или написать

письмо домой тем, кто не в силах был это сделать.

Как и обещал доктор, прачечную переоборудовали в помывочную. Я лишь крикнула, заглянув в помещение, наполненное липким паром, чтобы не жалели дров и воды.

Сегодняшний день выдался не менее тяжелым. Предстояло устроить вторую палату для больных гнилой лихорадкой. А до этого отмыть помещение уксусом и щелоком. Приготовить постели, и опять наполнить прачечные грязным бельем.

Я старалась не думать про Костю. Что толку. Только бедить сердце. Не думала, что встреча с ним так меня заденет. Просто он слишком похож на Костю. Но видно все же не судьба.

- Посмотрите, вон какой экипаж подъехал к госпиталю. Видать, какого-то вельможу привезли.

Мы все приникли к окну, через него хорошо просматривался парадный вход.

И правда, к самым дверям подъехал экипаж с вензелями на дверке, запряженный четверкой великолепных коней.

- Кого это там принесло? – с любопытством переговаривались сестры, пытаюсь все рассмотреть.

- Кого бы не принесло, нас это не касается. Сестры, давайте вернемся к работе, - сказала я, мельком взглянув в окно.

Я застилала очередную постель, когда в палату заглянул один из врачей и подойдя ко мне, тихонько произнес.

- Поднимитесь в кабинет к доктору.

Я поставила в изголовье кровати подушку, что держала в

руках. Помедлила.

Коста. Он же наверняка лежал в том кабинете. И этот экипаж. Не за ним ли он приехал?

Ноги сами понесли меня вперед. Бегом по лестнице. Словно на свидание спешу. Перевела дух лишь возле двери в кабинет доктора. Поправила выбившиеся из-под косынки волосы. Осталось нажать на дверную ручку, чтобы попасть внутрь.

«Маргарита Робертовна, ты взрослая женщина, а ведешь себя как влюбленная дурочка. Если там правда Коста... он просто позвал поблагодарить. Неужели ты рассчитываешь на большее? Глупо», - попыталась мысленно урезонить себя, прежде чем войти внутрь.

Я нацепила на губы вежливую улыбку и толкнула дверь.

Коста и правда лежал на кровати доктора. Рядом на столике кувшин с питьем и тарелка с пирожками.

- Марика...

Коста приподнялся на подушках и широко мне улыбнулся.

- Здравствуйте, Коста. Как вы себя чувствуете?

Подошла ближе, всматриваясь в его лицо.

- Как видите... доктор лишил меня вашего общества. Решил, что мне будет удобнее в его кабинете. А с докторами сами понимаете, спорить бесполезно...

Все это Коста говорил шутливым тоном. А сам все скользил глазами по моему лицу. Цепко всматривался, словно для

себя решая что-то. А все эти беззаботные слова так, для антуража.

- Здесь вам наверняка удобнее. Вы намного лучше выглядите, Коста. Желаю вам скорее встать на ноги, - произнесла я дежурные фразы.

- Хотел поблагодарить вас...

Я кивнула. Вот и все. Главные слова произнесены.

- Это моя работа.

В коридоре послышались голоса. Я узнала голос доктора. Ему вторил резкий баритон с раскатистой р.

- Как они быстро... - усмехнулся Коста, - Марика я хотел узнать ваше полное имя.

- Баронесса Файнштейн, - тихо произнесла я.

Голоса приблизились и дверь резко распахнулась. Вошел доктор, а следом за ним высокий худой мужчина в черном плаще.

- Ну что, мой мальчик, готов возвратиться домой? - произнес он раскатистым голосом, обращаясь к Косте.

- Не вижу других вариантов, - Коста показал на свою загипсованную ногу.

Меня оттеснили к двери, закрыв от меня Косту широкими спинами.

- Отличная работа, доктор. Вам удалось избежать воспаления. А какое хитроумное приспособление вы умудрились сделать, чтобы зафиксировать ногу. Я впечатлен. Хорошо, что не допустили ампутацию. Во многих госпиталях грешат

этим. Никто не хочет возится и вправлять кости.

Доктор откашлялся и произнес, не глядя в мою сторону.

- Спасибо за лесные слова. Мы все стараемся добросовестно исполнять свой долг.

- Я доложу о ваших заслугах... - продолжил говорить мужчина, склонившись над Костой.

Доктор наконец оглянулся на меня. Смущенно произнес:

- Я действовал не один. Баронесса во многом мне помогла...

- Да... перевязка выполнена добротно. А сейчас я бы хотел забрать Костанса. Пришлите людей с носилками.

- Да... сейчас. Баронесса, пойдете. Не будем мешать.

- Да... конечно, - произнесла я, избегая смотреть доктору в глаза.

Понимаю, что он не мог признаться, что фактически обрек Косту на смерть. Да и как скажешь, что операцию делала простая сестра милосердия. Но все же немного обидно.

Я оглянулась в последний раз на Косту. Тот о чем-то беседовал со своим посетителем. Повернул голову, почувствовав мой взгляд.

- Прощайте, - произнесла я.

Коста покачал головой. Глаза ласкающей бирюзой проšliсь по моему лицу.

- Я найду вас, баронесса Файнштейн.

Я скептически приподняла вверх брови. Вспомнит ли он обо мне, когда через пару месяцев встанет на ноги? Вспом-

нит ли вообще мое имя?

А вот я его никогда не забуду...

Я спустилась вниз следом за доктором. Тот пробормотал на ходу, извиняющимся тоном:

- Вы же понимаете, баронесса, я не мог сказать правду. Появились бы лишние вопросы...

- Пострадала бы ваша репутация... - добавила я, - понимаю, легче промолчать, чем признать свою ошибку.

Я вернулась в свою палату. Сестры закончили застилать постели и теперь опять столпились возле окошка, ожидая развязки представления.

- Смотрите, кого-то несут на носилках. Видать важная особа...

- А это не тот бродяга... Марика, иди посмотри...

Я только отмахнулась. Хватит с меня на сегодня прощаний.

Как я и предполагала, русская банька с густым паром пошла на пользу. Эпидемия потихоньку сходила на нет и палаты постепенно освобождались. Радовало то, что на свободные койки больных гнилой лихорадкой не находилось.

За следующие три недели повозка несколько раз привозила раненых солдат. Доктор снисходительно смотрел, как я ходила следом за ним на осмотре, гармонично вписавшись в группу лекарей. Даже позволил себе несколько раз поинтересоваться моим мнением. Задал несколько вопросов о состоянии раненых, когда мы делали осмотр. Словно хотел проверить мои знания. Или подловить на невежестве.

Но о том, чтобы проводить операции и делать что-то более серьезное, чем промывание и перевязывание ран, речи не шло. Я пару раз ассистировала одному из лекарей. Закоstenелому старикашке, который каждый раз презрительно оттопыривал губу, когда я лезла с непрошенными советами. И все равно все делал по-своему.

- Вот получите диплом лекаря, тогда и поговорим, - как-то бросил он мне.

Я всерьез стала рассматривать возможность обучения. Одна из лучших лекарских школ находилась в столице. Но туда, по словам доктора, поступить, что в игольное ушко влезть.

Есть еще одна школа, у южной границы. Туда добираться несколько дней и обучение стоит денег. Но больше шансов, что возьмут. Были прецеденты, когда женщины получали в этой школе диплом лекаря. По протекции, конечно, которая сопровождалась звоном монет... но возможность была.

Вот только в мои планы вмешался случай.

Я заканчивала утренний обход. Перебинтовывала руку старому вояке, обмениваясь шутками с молодым пареньком на соседней койке. Тот откровенно флиртовал, выпытывая, есть ли у меня жених. С гордостью описывал свой дом с огромным земельным наделом. И говорил, что мечтает привести туда хозяйку. Похожую на меня.

Я от всего сердца пожелала ему такую девушку найти. Невольное улыбнулась, польщенная его бесхитростными ухаживаниями.

Все никак не могла привыкнуть, что я уже не престарелая Маргарита Робертовна, а молоденькая Марика, которая может нравиться таким вот сопливым мальчишкам. Да и не только им, многие заглядывались.

Я за эти три недели достаточно окрепла. Появился румянец на щеках, а с лица сошли неприятные красные прыщички. Так что я теперь да... красавица!

Вот только немного жалела, что Коста меня не видит такой. Да и увидит ли? Что толку мечтать.

- Марика, смотри, что у меня есть, - послышался голос фру Ханны, и я посмотрела в ее сторону.

Женщина стояла в проходе между кроватями и призывно махала белым конвертом.

- От матушки, - добавила она.

От баронессы давно не было известий. Я отправляла небольшое послание, что мол жива, здорова... и на этом все.

И вот... письмо.

Я взяла письмо и вскрыла конверт. Развернула лист и начала читать.

"Марика, дочь моя! Как ты могла забыть о доме? О нас? Неужели тебе нравится такая жизнь, среди грязи в госпитале полным мужчин? Неужели тебе все равно, что происходит здесь, в родовом поместье?"

Я прикусила губу. Все письма баронессы всегда начинались с одного и того же. Но дальше...

"Твой отец очень плох. Лекарь говорит, что ему осталось недолго. Он постоянно зовет тебя. Просит увидеть тебя в последний раз. Марика, прошу тебя, вернись! Приезжай как можно скорее!"

Дальше шли слезливые причитания и мольбы. Но главное я уже поняла. Отец... при смерти. И хотя я не знала этого мужчину, что-то внутри меня тоскливо сжалось и слезы навернулись на глаза. Словно настоящая Марика сейчас читала письмо вместо меня.

- Что случилось, детка? – спросила фру Ханна, вертевшаяся недалеко от меня.

- Отец тяжело болен. Баронесса настаивает, чтобы я вернулась домой.

- Отец — это святое. Поезжай, Марика. Завтра как раз повозка в город идет. А там наймешь экипаж до имения.

От неожиданности я присела на стоявший рядом стул. Ехать нужно, это бесспорно. Но как я посмотрю в глаза, по сути, чужим для меня людям. Поймет ли баронесса, что перед нею не дочь? И как мне себя вести...

Да, влипла ты Маргарита Робертовна. Это тебе не повязки менять.

Вечером я подошла к доктору и показала ему письмо.

- Весьма прискорбно. Но что поделать. Нам будет вас не хватать, баронесса.

- Вы обещали дать мне рекомендацию, - напомнила я.

- Конечно-конечно. Неужели вы подумали, что я отпущу вас без нее. Присядьте, это не займет много времени...

Я присела на жесткий стул у стены. Выжидательно сложила на коленях руки.

Доктор склонился над бумагой, и в тишине кабинета слышался лишь скрип пера. Наконец, он поднял голову и протянул мне сложенный лист бумаги.

- Держите, баронесса. Я написал все, что думаю о ваших способностях и преданности делу. Очень надеюсь, что у вас все получится.

Я поблагодарила. Но сейчас, когда мне предстояло вернуться домой, эта мечта казалась все более недостижимой.

Сердцем чувствую, что моя идея придется баронессе не по вкусу.

Но будем разбираться с проблемами по мере их поступления.

Наутро я со всеми распрощалась. Фру Ханна прижала меня к своей мягкой груди, хлюпая носом.

- Жаль мне с тобой расставаться, детка. Ты уж матушке скажи, что я за тобой присматривала, как положено. Поклон от меня передавай. И главное Фредерика своего дождись. Даст бог, скоро вернется, а там и свадьба не за горами...

М-да...

Надо еще как-то и с этим разбираться. К своему стыду, я так и не написала Фредерику ни строчки. Хотя может оно и лучше...

Вскоре я тряслась в повозке, все дальше удаляясь от привычного мне мира. И если честно, то мысль, что сегодня вечером я прибуду домой вызывала во мне тихий ужас.

В городе мне пришлось нанять экипаж. Повозка высадила меня на торговой площади, а сама укатила дальше, по своим делам.

Сторговавшись за приемлемую цену, я нашла экипаж, что доставит меня до имения. Возничий загрузил мои пожитки, и я не мешкая, взобралась внутрь. Окно позволяло мне рассмотреть проплывающий мимо город.

В центре города дома, тесно прижавшиеся друг к другу, пестрели вывесками. Крики торговцев, лай собак, звон колоколов – все это сливалось в какофонию звуков. Богатые кареты, запряженные холеными лошадьми, проносились мимо, окатывая грязью бедняков, копошащихся на мостовой. Контраст между роскошью и нищетой был поразительным.

Когда солнце начало клониться к горизонту, окрашивая небо в багряные и золотые тона, мы наконец прибыли. Я спрыгнула с экипажа, разминая затекшие ноги. Возница, получив свои деньги, поспешно уехал, выгрузив мои вещи. А я застыла как столб перед своим новым домом.

Особняк барона Файнштейн.

Скорее, скромный особнячок. Двухэтажное здание из серого камня, с небольшим садом, поросшим дикими розами. Никакой вычурной лепнины, позолоты, колонн – ничего, что говорило бы о богатстве и знатности. Скорее, добротная, но

несколько обветшавшая постройка.

"Что ж, Маргарита Робертовна, - прошептала я себе, - ты прошла через многое. И с этим справишься. Понимаю, что актриса из тебя никакая, но у тебя есть лазейка с отшибленной памятью".

Собравшись с духом, я шагнула к массивной деревянной двери и постучала.

Она распахнулась мгновенно, словно меня ждали. И точно – на меня с визгом налетела маленькая девочка, с копной золотистых волос и глазами, полными восторга.

- Марика! Ты вернулась! Я так скучала! Я услышала экипаж и сразу побежала!

Она повисла у меня на шее, обнимая так крепко, что я едва не потеряла равновесие.

Берта, кажется. Младшая сестра.

Но радость девочки была прервана ледяным тоном, прозвучавшим из глубины дома.

- Берта! - раздался строгий, ледяной голос. - Нельзя так себя вести! Это неприлично! Для чего, по-твоему, существует прислуга?

Я подняла глаза. В дверях стояла женщина. Высокая, полная, с лицом, на котором застыло капризное выражение. Темные волосы, собранные в сложную прическу, подчеркивали бледность кожи и пронзительный взгляд серых глаз.

Баронесса Глория Файнштейн. Моя мать.

- Наконец-то ты почтила нас своим присутствием, - про-

цедила она сквозь тонкие губы.

«Да, Маргарита Робертовна. Жаркий прием, ничего не скажешь» - усмехнулась я про себя.

- Как отец? - сразу перешла я к делу, чтобы избежать ненужных нотаций.

- Отец? Ждет тебя. Ты как раз вовремя. Сейчас накрывают к ужину стол. После и поговорим. Пока иди в свою комнату.

Я растерялась. Где моя комната? Но Берта схватила меня за руку и потащила на второй этаж.

Комната была небольшой, но уютной. У окна стоял письменный стол, на которой аккуратно были сложены в стопу книги. В углу – кровать, застеленная вышитым покрывалом.

Берта зажгла масляную лампу, висевшую под потолком. Ее свет, дрожащий и теплый, выхватил из полумрака детали комнаты: резные ножки стола, потемневшие от времени обои, небольшой букетик засушенных цветов в вазе на комод.

- Ой, Марика, ты не представляешь, сколько всего произошло, пока тебя не было! - защелкала Берта, усаживаясь на край кровати. – Наш кузен Филипп наконец-то сделал предложение Луизе! Наперекор маменьки, ведь Луиза простая белошвейка. А еще...

Ее болтовню прервал строгий голос из коридора:

- Берта! Иди оденься к ужину. И дай своей сестре собраться.

Берта надула губы, но послушно кивнула.

- Хорошо, матушка. Но я еще вернусь! - пообещала она мне и выскользнула из комнаты.

В этот момент в комнату вошел мужчина в простой одежде. Он внес мой сундук с вещами и поставил его у стены.

- С возвращением, госпожа Марика, - басовито произнес он.

- Спасибо, - я улыбнулась в ответ.

Мужчина вышел, громко топая ботинками. Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Сейчас начнется самое сложное. Знакомство с семьей. Но сначала и правда нужно переодеться.

Взгляд упал на большой шкаф, стоящий у противоположной стены. Я подошла и открыла его. На вешалках висели платья. Не так уж и много для молодой девушки, дочери барона.

Я становившись на темно-синем платье из плотной ткани. Оно казалось достаточно скромным и неброским. Я сняла его с вешалки и накинула на себя. Ткань приятно холодила кожу.

Сняв с головы косынку, я расчесала свои короткие, непослушные волосы. Кинула на себя взгляд в зеркало. Нашла, что выгляжу вполне мило.

В дверь постучали.

- Марика, ты готова? Матушка ждет к столу! - прощепетала Берта.

Готова ли я? Нет конечно. Но где наша не пропадала.

Берта обхватила мою руку своей ладошкой, и мы спустились по широкой лестнице в столовую. В воздухе витал аромат жареного мяса и свежего хлеба.

За длинным столом, накрытым белоснежной скатертью, я увидела баронессу. Рядом с ней сидела молодая девушка, как я понимала, моя вторая сестра. Она немного высокомерно посмотрела в мою сторону, капризно сложив губы. Явно копируя мать.

А во главе стола... отец?

Живой и вполне здоровый.

- Ну, здравствуй, дочка, - раскатисто произнес он.

- Здравствуй... отец.

Берта потянула меня за руку к столу, выставя на всеобщее обозрение. Баронесса сузила глаза и вспыхнула, так, что даже грудь пошла красными пятнами.

- Что ты с собой сделала? На кого ты стала похожа, Марика?

- Что именно вам не нравится, матушка? – невинно спросила я, хотя понятно, что баронесса разглядывает мою прическу. Так пристально, что рука тянется пригладить волосы.

- Она стала похожа на общипанную курицу, - слышался смешливый голос моей второй сестры.

- Да, Марика, зачем ты подстригла волосы? Но ты все равно красивая, - с детской непосредственностью сказала Берта.

Под осуждающим взглядом баронессы я заняла место за столом. По левую руку от отца, напротив баронессы. Берта села рядом со мной.

- Мне пришлось подстричь волосы из-за болезни, - произнесла я.

- Ты не сообщала об этом... - баронесса поджала губы, - могла бы посоветоваться с семьей, прежде чем совершать необдуманный поступок. Наверняка этого можно было избежать. Как ты теперь покажешься в обществе?

- Она может покрывать голову платком, пока волосы не

отрастут, - отозвался отец, с усердием орудуя ножом, разрезая на куски большой кусок мяса.

- Это вызовет еще больше вопросов, - раздраженно добавила баронесса.

Я попыталась скрыть возмущение. Мою родню больше волновало отсутствие волос, чем мое здоровье. И то, как это отразится на моей репутации.

Я заметила, что на столе была только каша в глубокой миске. А в другой была налита жидкая овощная подлива. Так же был хлеб, нарезанный на ломти. Из пшеничной муки, но тяжелый и клеклый внутри.

Баронесса положила себе кашу и полила подливой. После этого все посмотрели на меня, ожидая, когда я сделаю тоже самое.

- Нам приходится экономить. Мясо готовят только для барона, - заметила баронесса, - у твоего отца слабое здоровье.

Я покосилась на сидящего во главе стола мужчину. Слабое здоровье? Он сидел, развалившись в кресле, с довольным видом поглощая свой ужин. Лицо его было одутловатым, щеки румяными, а подбородок давно уже слился с шеей. Никакой болезненности я не видела. Только избыточный вес от малоподвижного образа жизни.

- Что с вами, отец? – поинтересовалась я.

Он тут же отреагировал, словно ждал этого вопроса. Его лицо исказилось гримасой страдания, голос зазвучал жалобно.

- Ах, Марика, ты не понимаешь! Эти боли... Они сводят меня с ума! Сердце мое слабое, дышать тяжело... Я чувствую себя старым и немощным.

Он начал перечислять свои "недуги", сопровождая их театральными вздохами и причитаниями. Я слушала его, и во мне крепло убеждение: он не болен. Он просто... разленился. Заплыл жиром, перестал следить за собой и за своим здоровьем.

- Отец, вам нужно больше двигаться. И гулять на свежем воздухе. Тогда вся хворь пройдет, - невозмутимо произнесла я.

- Пока ты прохлаждалась в госпитале, мы тут едва сводим концы с концами! – резко произнесла баронесса, - отец твой трудится не покладая рук для вашего благополучия.

Я опустила взгляд на свои руки, исцарапанные и загрубевшие от работы. Прохлаждалась? Хорошего же мнения баронесса о своей дочери. Только и препираться бесполезно. Эта женщина слышит только себя.

- Если вы считаете, что ухаживать за ранеными и спасать жизни пустяком, то я не представляю, что для вас может являться важным... маменька! – все же не смогла смолчать я.

- Твоя семья! Баронесса Кранберг несколько раз спрашивала о тебе. Ты же знаешь, она была не в восторге от твоей помолвки с Фредериком. Считает тебя недостойной партией. Мы не настолько богаты как они. К тому же, баронесса приходится кузиной графу Ройдену. А после твоего исчезнове-

ния считает тебя и вовсе легкомысленной. Конечно, она не говорит это мне в лицо. Но мне доложили, что она обсуждала твоё поведение с одной из родственниц. И высказалась, что нужно ещё проверить, девица ли ты...

За столом разлилось гробовое молчание, и все дружно посмотрели в мою сторону. Я почувствовала, как кровь прилила к лицу.

- Не беспокойтесь. Могу заверить, что на мою честь никто не покушался, - едко произнесла я.

- Перед свадьбой она будет настаивать на осмотре. Марика, ты же понимаешь, как для нашей семьи важен этот союз. Барон Кранберг ведет успешную торговлю и мог бы взять отца в дело. Поручиться за него перед партнерами. Ссудить деньги. Тебе нужно быть очень осторожной и вести себя должным образом. Особенно сейчас, когда Фредерик дал о себе знать и в любой момент может вернуться домой. Баронесса имеет слишком большое влияние на сына.

Остаток ужина прошел в молчании. Под конец круглолицая служанка внесла на широкой тарелке десерт – печеные яблоки, политые медом. Батюшка тут же отсыпал себе половину тарелки и принялся с хрустом уплетать.

- Вот что решим, - произнесла баронесса, откладывая в сторону столовые приборы, - в воскресенье пойдем в храм и постараемся попасться на глаза баронессе Кранберг. А там уж будем молить бога, чтобы она пригласила нас к обеду.

Я молча выслушала все разглагольствования баронессы. Лезть сейчас со своими планами на обучение в лекарской школе было несколько неосмотрительно, если я собираюсь спокойно провести остаток вечера. Да и разумная, повидавшая жизнь часть меня твердила, что нужно закрыть старые двери, прежде чем открыть дверь в новую жизнь.

А за моей спиной маячила помолвка с Фредериком, чье изображение Марика бережно хранила в своем саквояже. Вот с этим и нужно в первую очередь разобраться.

После ужина я вернулась в свою комнату. С интересом огляделась. Мысленно спросила:

«Какая же ты, настоящая Марика?»

На столе лежал томик в потрепанном переплете. Я взяла его в руки. "Любовные страдания юной графини..." – гласила золотая надпись на обложке.

Дамский роман. Наверняка зачитанный до дыр. Я открыла книгу наугад и пробежала глазами по строчкам. Слащавые признания в любви, томные взгляды, обмороки от избытка чувств... Все это вызывало у меня лишь горькую усмешку.

Марика была мечтательной и романтической особой. Возможно, в силу юного возраста и начитавшись любовных романов. Иначе не представляю, как могла нежная девушка, боявшаяся вида крови, сбежать из дома в поисках своего же-

ниха?

Я открыла ящик стола и обнаружила несколько писем. Они были от Фредерика, когда он только ушел на войну. Последнее было датировано концом весны. А сейчас глубокая осень.

Я развязала ленту и развернула первое письмо. Почерк был размашистый и уверенный.

"Моя дорогая Марика!

Солнце светит здесь так ярко, что я почти забываю о том, что рядом война. Но ничто не сравнится с теплом твоего поцелуя, которым ты одарила меня на прощание. Я храню его в своем сердце, как талисман, оберегающий меня от всех бед.

Форма сидит на мне как влитая! Представляешь, я теперь настоящий офицер! Скоро мы разгромим врага, и я вернусь к тебе с победой. Тогда мы сыграем свадьбу, о которой ты так мечтаешь.

Твой навеки,
Фредерик."

Я прочитала письмо, и в груди что-то болезненно сжалось. Судя по тону письма Фредерик был пылок и юн. Не думаю, что намного старше самой Марики.

Я перешла к следующему письму, потом к следующему. Фредерик описывал свои подвиги, хвастался своей храбростью, мечтал о возвращении домой. В каждом письме – упоминание о поцелуе, который я, то есть настоящая Марика,

подарила ему.

- Черт! – вырвалось у меня. Я никогда раньше не рвала отношения. В моей прошлой жизни все было просто: Костя и работа. Здесь все иначе. Здесь есть честь, долг, семья.

Как признаться этому влюбленному мальчишке, что я – не та, кого он ждет? Как объяснить, что его Марика умерла в госпитале, а на ее место пришла я, чужая, из другого мира?

Да и кто поверит в это безумие?

- Может, просто стать невыносимой? – пробормотала я, - Стать такой, чтобы его матушка меня возненавидела. Тогда он сам разорвет помолвку.

Трусливая мысль. И она мне совсем не нравилась. Все же лучше дождаться Фредерика и попытаться поговорить с ним. Кто знает, может быть, за это время его чувства к Марике угасли. Это был бы лучший выход из положения.

А пока потихоньку подготавливаю свою новую семью к факту, что я собираюсь поступать в лекарскую школу.

Берта, как и обещала, заглянула ко мне перед сном. Потерлась об меня, как маленький котенок. И я прижала девочку к себе. Она была единственная, кто искренне радовалась моему возвращению домой.

- А что моя другая сестра? Совсем не рада меня видеть? – спросила я Берту с целью заодно выведать имя моей второй сестры.

- Эмилия все еще дует на тебя из-за того случая на балу. Помнишь, ты мне сама рассказывала. Фредерик хотел при-

гласить ее на танец, а ты вышла вперед, и первая подала ему руку. Ты такая смелая, Марика. Я хочу быть похожей на тебя.

- Только никогда не сбегай из дома. Это не самая хорошая идея, - приобняла я за плечи Берту.

Теперь понятно, почему Эмилия смотрит на меня как на врага. Старшая сестра из-под носа увела перспективно жениха. А вот сейчас я бы не отказалась вернуть ей его обратно.

Но прежде мне предстояло познакомиться с баронессой Кранберг. Накануне выходного дня матушка с нажимом напомнила мне, что завтра мы всем семейством идем в храм. И чтобы я выбрала достойный наряд. А главное озаботилась, чем прикрыть остриженные волосы.

Я задумалась. Шляпки были слишком вычурными, платки - слишком простыми для дочери барона. Ничего не подходило. Наконец я нашла тонкую вязанную шаль и накинула ее на голову. Подумала, что выгляжу вполне достойно в купе со строгим шерстяным платьем жемчужно-серого цвета.

Как вести себя с баронессой Кранберг я еще не решила. Но пытаться нравится ей я точно не собиралась.

Я никогда не была религиозным человеком. Скорее зако-
ренелым материалистом.

Но после всего, что со мной произошло, поневоле задум-
маешься о высшем разуме, что управляет нашими жизнями.

Вот и сейчас все склонили головы в благоговейной молит-
ве. Моя мать и сестры что-то шепчут, шевеля губами, пока
слышится священное песнопение.

Я последовала их примеру. На мгновение задумалась, что
попросить бога, если он и правда меня слышит. Хотела по-
просить о лекарской школе, а вместо этого вспомнила Косту.

Думала за месяц душа уже успокоилась, а нет... больно
кольнуло в самое сердце. И тогда я попросила, чтобы мы с
ним встретились. Это же возможно? Не задумываясь о том,
как он меня разыщет в этой глуши. Да и будет ли искать? Но
я цеплялась за мысль, что он знает мое имя.

- Марика, баронесса Кранберг смотрит на нас. Улыбнись,
живо, - пихнула меня в бок матушка.

Я вскинула голову, пытаюсь определить, кто из сидящих
вокруг меня женщин баронесса Кранберг.

Месса подошла к концу и многие оглядывались в поисках
знакомых лиц. Вежливо раскланивались, натягивая на лица
учтивые улыбки.

- Что ты застыла как истукан. Пойдем быстрее к выходу,

перехватим баронессу у порога, пока она не уехала.

Моя матушка резво вскочила с места и помчалась к выходу, подобрав юбки. Волей неволей пришлось идти за ней следом, слыша позади себя недовольное сопение Эмилии и веселое щебетание Берты, вполголоса напевающая мелодию.

Матушка стояла на улице возле входа в храм. Быстро сцапала мою руку, притянув к себе.

- Шаль поправь... Приветствую, леди Райнер, как ваше здоровьице? – и тут же, чтобы слышала только я, - склони голову, дура! Совсем одичала.

Я сжала зубы до скрежета. Да лучше в операционной несколько часов отстоять, чем несколько минут изображать самую любезность.

- Баронесса Кранберг... как мы рады вас видеть! – взвился голос баронессы Файнштейн.

В мою ладонь сильнее впились ее пальцы с острыми коготками, и я послушно склонила голову.

- Ваша дочь вернулась... - услышала я высокомерный голос.

- Марика никогда не забывала о своей семье. А уж о вашем сыне и вовсе все глаза выплакала. Есть ли от Фредерика какая-нибудь весточка?

Я наконец подняла голову, чтобы разглядеть стоящую напротив меня женщину. Темные глаза изучающе пробежались по моему лицу, а тонкие губы сжались в твердую линию.

Она даже не пыталась казаться учтивой. В отличии от ба-

ронессы Файнштейн.

Баронесса Кранберг выглядела так, словно сошла с полотна придворного художника. На ней было платье из тяжелого, переливающегося шелка цвета воронова крыла, расшитое серебряными нитями и жемчугом. Кружевной воротник, высокий и жесткий, подчеркивал ее надменную осанку. На пальцах сверкали массивные перстни с камнями. На плечах красовалась меховая накидка.

Мы же с матерью и сестрами, в наших скромных плащах из шерсти, казались на ее фоне бедными родственниками.

- Фредерик прислал письмо. С ним все в порядке.

- Слава богам. Я все мессу молилась за его здоровье! – тут же подхватила баронесса Файнштейн. Ущипнула меня за руку, - а уж как Марика рада этой новости...

- Я действительно рада, что с Фредериком все в порядке, - отозвалась я.

Баронесса Кранберг пошла вперед, к ожидавшему ее экипажу. Моя мать семенила за ней, крепко держа меня за руку. Явно надеясь получить приглашение на чай.

Наконец баронесса Кранберг остановилась перед своим экипажем. Лакей распахнул перед ней дверку.

- Прощайте, баронесса Файнштейн, - сухо бросила она, прежде чем забраться в экипаж.

- Досвиданьяца. Надеемся на скорую встречу.

Экипаж обдал нас пылью из-под колес. Моя мать зло посмотрела на меня и лишь бросила:

- Дома поговорим.

Дома меня ждала не просто беседа, а настоящий допрос. Матушка, едва переступив порог, велела нашей единственной служанке подать чай в гостиную. Когда все расселись по своим местам, баронессу Файнштейн понесло:

- Что это было, Марика? - прошипела она, впиваясь в меня взглядом. - Ты хоть понимаешь, как ты себя вела? Словно крестьянка, а не дочь баронета!

Я молчала, опустив глаза. Спорить с ней было бесполезно. Любое мое слово лишь подливало масла в огонь.

- Баронесса Кранберг - мать твоего будущего мужа! - продолжала она, повышая голос. - Ты должна была очаровать ее, а не стоять, как истукан, с видом оскорбленной добродетели!

- Я рада, что Фредерик жив, - тихо произнесла я, надеясь, что это хоть немного смягчит ее гнев.

- Рада? - взвизгнула она. - Рада? Да ты должна была упасть ей в ноги от благодарности за эту новость! Ты должна была умолять ее рассказать о Фредерике, выведать все подробности! А ты... ты стояла, как немая рыба!

- Я не хочу замуж за Фредерика, - тихо сказала я, но мои слова прозвучали достаточно твердо.

Матушка замерла, как громом пораженная.

- Что ты сказала? - прошептала она, в ее глазах вспыхнул гнев.

- Я не люблю его, - ответила я, стараясь смотреть ей прямо в глаза. - И я не хочу жить с человеком, которого не люблю.

- Ты... ты неблагодарная девчонка! - закричала она, бросаясь ко мне. - Ты думаешь только о себе! Ты не понимаешь, что от твоего решения зависит судьба всей нашей семьи!

Она схватила меня за руку и потащила к окну.

- Посмотри! - закричала она, указывая на обветшалые стены нашего поместья. - Посмотри на эту нищету! Ты хочешь, чтобы мы умерли с голоду? Ты хочешь, чтобы нас выгнали на улицу? А твои сестры... ты подумала о них? Я не могу за ними дать достойного приданого.

Я смотрела на серые, унылые пейзажи, на покосившиеся заборы и заросший сорняками сад. Обернулась, поймав на себе осуждающий взгляд Эмили и испуганный Берты.

- Я найду другой способ, - сказала я, вырывая свою руку из ее хватки. - Я найду способ помочь нашей семье. Но я не выйду замуж за Фредерика.

- О чем ты говоришь? Совсем ум потеряла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.